

65-летию Великой Победы посвящается

Россия! Мы все у тебя в долгу.

Ты каждому – трижды мать.

Так можем ли мы твоему врагу

В служанки тебя отдать?..

Д.Кедрин. 1942 г.

Война стучалась в каждый дом

Стихи и проза новошахтинских авторов о
Великой Отечественной войне

2010

«Война стучалась в каждый дом». Стихи и проза новошахтинских авторов о Великой Отечественной войне. – 2010. – 112 с.

Уважаемые читатели!

Книга «Война стучалась в каждый дом» - 2-ая часть проекта «Университет – 65-летию Победы», направленного на сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне и патриотическое воспитание молодежи. В ней опубликованы стихи и проза о войне. Часть этих сочинений взята со страниц Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера» разных лет, другие предоставлены творческим поэтическим объединением «Автограф» и самодеятельными поэтами города Новошахтинска и Ростовской области.

В книге чуть более ста страниц, а как много в нее вместились! За каждой строчкой проглядывает правда о войне, описанная без каких-либо громких слов и сложных художественных приемов.

В ряду авторов много участников и очевидцев Великой Отечественной войны. Красноречивые детали тех лет, почерпнутые ими не из воображения, собраны организаторами проекта в своеобразный лирический дневник.

Кроме обращения к исторической теме, авторов, принадлежащих к разным поколениям, объединяет стремление к творческому самовыражению. Их небольшие произведения помогают понять правду о войне, увидеть достойно прожитую военным поколением жизнь, еще глубже постигнуть русский, советский характер. Такова была цель создания и первой книги проекта – «На алтарь Победы». Только в данном случае достигнута она не за счет документальных источников, а за счет согласованного звучания эпической и лирической струн в оркестре Памяти.

Жажда творческого освоения истории авторами опубликованных в книге сочинений не может не волновать, поэтому мы верим, что книга обязательно найдет своих читателей. Это будут люди, восприимчивые к художественному слову, которым дорога память о великом и трагическом фрагменте отечественной истории и которые озабочены судьбой Родины.

*Т. И. Гричененко,
литературный редактор*

Людмила Шевченко

Я многого не знаю о войне!
Со смертью рядом не спала в землянке.
Я не горела в адском том огне,
Где рвутся бомбы и грохочут танки,

Где ни гроша не стоит чья-то жизнь
И неоплаканным вырастает в землю тело,
Где подвиги свершают не «на бис»
И невозможно быть немного смелым,

Где тишина, как божья благодать,
Порою кажется так нестерпимо звонкой,
Где губы в кровь кусая, плачет мать,
Быть может, не над первой похоронкой,

Где трубы смерти каждый миг трубят,
Где с детских лиц улыбки страхом стёрты,
Где для живых готов библейский ад,
Успокоение дано лишь только мёртвым!

Я о войне лишь слышала, друзья,
И не однажды мне она приснилась,
Но забывать о ней никак нельзя,
Чтоб эта жуть опять не повторилась!

П. Соловьев

1418 дней

Вы сильнее вымысла правдою своей,
Тысяча четыреста восемнадцать дней.
Шла война жестокая в грохоте снарядов
Возле Севастополя, возле Сталинграда.
Все Отчизна вынесла, став еще сильнее
В тысяча четыреста восемнадцать дней.
Как мы в наступление шли неукротимо,
Знает город Ленина, помнит Украина.
Отгремели выстрелы, а в душе моей
Тысяча четыреста восемнадцать дней.
Все, солдат, что помнится, правнукам поведай:
Как война окончилась праздником Победы!

Ветераны

Мы выстоять сумели в Сталинграде,
Не захлебнулись волнами в Крыму.
Но словно снайпер, скрывшийся в засаде,
Нас выбивает смерть по одному.
Пока еще в обойме есть патроны,
Покуда бьются старые сердца,
Займите круговую оборону,
Держитесь, ветераны, до конца...
Когда земля дрожала, как живая,
Когда от нашей крови таял лед,
Нас выручала дружба фронтовая,
Она и нынче нас не подведет.
В огне сражений вместе мы горели.
Мы не умели вполнакала тлеть.
И если это все мы одолели,
То старость сможем тоже одолеть!

Дитя народа, русский воин
Всегда, всегда любви достоин.
Защитник, богатырь, герой,
Порой голодный и босой,
Громил врагов во все века,
Пока держала меч рука.
Служить России – честь большая.
Героев помнит Русь святая.
Поклон тебе от всех людей,
Защитник Родины моей.
И будь готовым ты всегда
Спасти Россию от врага,
Готовым будь к любой войне,
Чтоб мир царил в родной стране!

Г. Серов

Защитники Отечества

Это рассказы о наших земляках, чья молодость была опалена жестоким огнем Великой Отечественной войны, кто по первому зову встал на защиту своей Родины. Перевернем и мы с вами страницы героической истории...

Кавалеристы

23 ноября 1942 года, в день завершения окружения крупной немецко-фашистской группы войск под Сталинградом, генерал Чудесов поставил задачу 86-му кавалерийскому полку выйти к Дону в районе хутора Песковатка, чтобы помешать гитлеровцам перейти на правый берег реки. В этом полку служил наш земляк Константин Николаевич Карелин.

Противник встретил конников ожесточенным огнем. Завязался бой. Командир полка майор Баканов повел бойцов в атаку. В результате полку удалось закрепиться на окраине хутора. С каждой минутой бой разгорался. Немцы пытались выбить конников в поле. В бою майор получил тяжелое ранение, но продолжал командовать. Так он и умер. В командование полком вступил капитан Мищенко. Полк отбил две контратаки фашистов. Капитан Мищенко тоже погиб. И тогда полком стал командовать полковой комиссар Н.В. Журавлев.

Полк продолжал вести тяжелый бой. Выбили немцев, заняли Песковатку, где освободили военнопленных. Когда уже подходили наши танки, полковой комиссар Н.В. Журавлев был убит...

В этом сражении К.Н. Карелин потерял левую руку, но остался жив и вернулся домой. Рассказывают, что он и после этого рвался на фронт...

Бронебойщик

Перед началом Великой Отечественной войны Семену Федоровичу Глушакову исполнилось 18 лет. Он ушел на фронт. Был бронебойщиком – поражал из противотанкового ружья фашистские машины и танки.

Семен Федорович часто вспоминает один бой. Фашисты пытались контратаковать наступающие советские части и направили десятки своих танков. Командир приказал отбить атаки вражеских танкистов и автоматчиков. В бою отличился и бронебойщик Семен Глушаков. Он хорошо знал противотанковое ружье, был сильным, широким в плечах. И ему доверили единственное противотанковое ружье, находившееся в их подразделении.

Немецкие танки появились на горизонте неожиданно. Бойцы сразу заняли исходное положение для их встречи. Семен, укрываясь в снегу, быстро пополз вперед. Он добрался до небольшого оврага, через который

должны были пройти танки. Замаскировался снегом и стал поджидать. Приблизившийся к оврагу танк сбавил скорость, поднялся над склоном оврага. Показалась его нижняя передняя часть. Семен успел прицелиться и выстрелить. Танк взорвался и загорелся. Второй танк, шедший сзади, повернул в сторону и тоже завис над оврагом. Семен выстрелил и в него. Гитлеровцы заметались по полю в поисках бронейщика. Семену пришлось изменить место расположения. Он пополз по снегу и закопался в новом месте, приготовившись к бою. Немецкие танки вновь появились над оврагом. И бронейщик Семен Глушаков вновь открыл огонь...

К вечеру бой закончился. Горели фашистские танки, черный дым поднимался к небу. Семен поднялся, вытер рукой закопченное лицо. Посмотрел вокруг. И улыбнулся...

Краснофлотец

И вот, наконец, советские войска прорвали блокаду Ленинграда! В общую победу над врагом внесли большой вклад и моряки-балтийцы. Александра Ивановна Медведева, в то время просто Сашенька, пришла в 10-ый Краснознаменный дивизион сторожевых катеров, как было сказано в предписании, для прохождения службы «в порядке исключения». Ну и далось же Саше это «исключение» - столько порогов обила, столько высоких начальников уговорила. Еще бы, девушка – и на фронт! Когда командир катера в первый раз увидел Сашу, опешил и решил, что произошла ошибочка. Он вышел к новому пополнению мрачнее тучи.

- Кто Медведева? - строго спросил командир. Из строя сделал шаг вперед лихой моряк, в бескозырке набекрень, ладно сидящей робе. Командиру понравилось, что девчонка не стушеввалась, держится независимо. «Посмотрим, как воевать будет», - подумал он, но что-то ему подсказывало, что и воевать она будет как надо.

Все навыки Саша получила еще до войны: сигналила флажками днем и азбукой Морзе с помощью света – ночью, уверенно держала штурвал, отменно стреляла из пулемета.

Обычно суровый на похвалы командир катера в рапорте на имя командира дивизиона отметил: «Краснофлотец Медведева зарекомендовала себя за время службы на катере как настоящий моряк». В его устах «настоящий моряк» всегда было самой высокой оценкой...

Однажды фашистские «юнkersы» пошли прямо на катер. Саша не испугалась – стреляла по самолетам в упор, заставила их свернуть и сбросить бомбы далеко от катера.

Тот день выдался жарким и в прямом, и в переносном смысле. Корабли вышли на штурм островов в Выборгском заливе, занятых фашистами. Вместе с первым отрядом двигался к месту высадки десанта и связной катер. Сигнальщиком на катер назначили Сашу Медведеву, проверенную в

65-летию Великой Победы посвящается

самых жестоких сражениях. Катер лавировал среди разрывов мин и снарядов. Неожиданно из-за валунов ударила пулеметная очередь. Пули изрешетили борт, задели мотор.

- Перебита трубка давления, вышел из строя мотор, я ранен,- успел крикнуть моторист Сергей Налов.

Через несколько секунд Саша была уже в моторном отсеке, быстро перевязала раненого моториста.

- Видишь, как трубку разворотило, - прошептал Сергей, - надо спасать катер...

На ремонт ушло несколько минут, а показалось - вечность. Наконец, катер рванулся вперед, в гущу сражения. За мужество, проявленное в бою, обеспечение бесперебойной связи с кораблями Краснофлотец Александра Ивановна Медведева была награждена орденом Красной Звезды.

Ванюшка

Когда началась война, Ване шел тринадцатый год. Он жил в маленькой деревушке, затерявшейся в широких российских просторах.

Все мужчины и парни деревни ушли на фронт. Остались женщины, старики да Ваня с несколькими такими же, как он, мальчишками.

В сентябре 1941 года в деревню вошли немцы. Они забирали все, что только можно забрать, не оставляя ничего.

У Ванюши был очень красивый конь по кличке Руслан. Когда немцы уже подходили к дому, Ванюша решил увести коня подальше от деревни. Пока немцы заходили во двор, Ванюша взял коня за уздечку и вышел с другой стороны. Вдруг один из фашистов увидел мальчишку с лошастью. Немец позвал еще одного, они сели на мотоцикл и погнались за Ванюшей. Ваня здесь родился, он знал все дороги и тропки. Ему было легко уйти от погони. Впереди была небольшая речушка. Ваня перебрался на другую сторону и умчался. Немцам пришлось ни с чем возвращаться назад.

На следующий день Ванюша решил сообщить нашим, что в деревне немцы. Через два дня в деревню пришел небольшой отряд советских войск. Немцы были разбиты, многие взяты в плен.

Спустя два года Ванюша добровольцем ушел на фронт, был два раза ранен, получил награды. Вернулся домой в 1945 году.

Иван Алексеевич Шаров часто вспоминает о тех военных годах, о своей суровой молодости.

Разведчики

Весна... Советская Армия стремительно продвигалась вперед, сокрушая врага. Впереди - многострадальная Польша.

Дивизия подошла к разоренной деревне, Разведчиков из разведроты послали в деревню, чтобы выяснить, есть ли немцы, количество их, вооружение и транспорт. Роман Андреевич Муханько с двумя разведчиками

пошел на задание. Они увидели сожженные дома, черные деревья, покрытые пеплом огороды. Разведчики переходили из дома в дом, надеясь увидеть кого-нибудь из жителей.

И вдруг, зайдя в один из домов, увидели маленькую напуганную девочку лет четырех-пяти. Рядом у стены стояли старик и старушка. Один из разведчиков, молодой парень, не выдержал, выбежал на улицу и начал стрелять вслед отходившим фашистам. Разведчик убил много фашистов, но и его настигла вражеская пуля...

Девочку, стариков и других жителей деревни, согнанных и запертых в одном доме, освободили, и дивизия продолжала свой ратный путь...

Баллада о недописанном письме

Я держу в руках письмо отца.
Выцветшее, со следами крови,
Не дописанное до конца –
Жизнь оборвалась на полуслове.
Некоторых слов не разобрать,
Но сквозь них я вижу, как сквозь даты,
Тот окоп на берегу Днепра
И отца - советского солдата.
Был отец таким, как я сейчас.
Даже, может быть, еще моложе.
Лишь морщинки ранние у глаз
Да суровый голос, непохожий.
Мой отец, как я, любил весну,
Раннюю, предутреннюю зорьку,
За меня, за маму, за страну
Стал солдатом, в руки взяв винтовку.
Он письмо свое не дописал –
Поднялись бойцы в атаку снова,
А когда простреленный упал.
Дописать успел всего два слова.
«Помни, сын...» - последние слова отца,
И уже к земле прижаты руки.
Точкой стал для них кусок свинца,
Продолженьем - сыновья и внуки...
В тех местах днепровских я бывал
И нашел там Братскую могилу,
Золотыми буквами слова -
Родина погибших не забыла.

Молча я давал отцу обет –
Не искать в своей душе покоя.
Подошел старик преклонных лет.
Поклонился он могиле в пояс.
Видно, издалече шел старик.
Запылились сапоги у деда,
Я к солдатским сапогам привык –
С ними по дорогам шла Победа
«Диду, - я окликнул старика, -
Здесь из ваших кто-то похоронен?»
«Сыновья. Я шел издалека
Поклониться памяти героев».
Вот старик задумался на миг
И промолвил, глядя на меня:
«Вы в ответе за судьбу живых.
Пусть отцов заменят сыновья».
И ушел старик, а я стоял
И смотрел, как таял он вдали,
А потом с собой на память взял
С той могилы горсть сухой земли.
«Помни, сын...». Отец, я не забыл.
Память не сотрет предсмертных слов
И стоящих скорбно у могил
У сыновних белых стариков.
Память об отце всегда жива
И не меркнет в сердце с каждым годом.
За его последние слова
Я в большом долгу перед народом.

*А. Зинов
ветеран войны и труда*

Березка Федя

Давно ли мы, вчерашние курсанты, обрели крылья в виде погон с одним просветом и лейтенантской звездочкой и выпорхнули из Ашхабадского военного училища. Промелькнули за окном вагона бесконечные серые барханы пустыни, в ушах остался монотонный стук колес, утихла качка теплохода «Дагестан» на волнах Каспийского моря. Осталась в памяти радостная встреча с первыми жителями в освобожденных от фашистов районах. Обжигала наши сердца земля, опаленная войной и обильно политая кровью наших воинов... И вот все позади.

А завтрашний день представлялся в густом тумане: ничего не видишь, только можешь догадываться. Правда, эта наша неизвестность выражалась в малом: не знаем, когда направят на передовую – сегодня или завтра. Всем нам было ясно, зачем мы после долгой дороги в Новошахтинске, где находится отдел кадров Четвертого Украинского фронта: чтобы получить направление в часть на передовую или пока оставаться в тылу.

Многие уже, помахав нам рукой, ушли своей дорогой. С часу на час ждали вызова в штаб и я с Федей Собакаревым, с которым я близко подружился в училище. Кадровый солдат, он встретил войну на границе. С боями отступал. Был тяжело ранен. После лечения направлен в училище. Нравился мне этот сдержанный, рассудительный, душевный, верный парень, уже испытавший горечь войны Федя был необычайно взволнован: то вставал и ходит туда-сюда, слегка пригнувшись, словно ему груз давил на плечи, то ложился на траву, густую и сочную, какая обычно бывает в лесопосадках в конце мая.

Мне казалось, что нет среди нас человека счастливей, чем Федя. Ведь только он судьбой заброшен в родные края. Туда, где он мальчиком бегал по полям, где ему было все близкое и родное. Но Федя думал, что он был самым несчастным из нас. Как давно он не был дома, не видел маму, братьев! Ничего не знает о них и боится, что не узнает, хотя находится в каких-нибудь восьми километрах от родного села.

Меня тоже волновали вопросы: «Неужели дадут ему направление в часть и машина увезет его? А дома и не побывает? Что может быть хуже?».

- Если бы знал, что вечером пойдем отсюда, сбегал бы домой, - вздохнул Федя.

- Если бы... - развел я руками, сочувствуя ему.

- Три часа хватило бы – туда и обратно, - Федя встал, порываясь куда-то идти.

Осматриваясь по сторонам, глазами искал кого-нибудь из знакомых. Хотелось передать домой хоть записку, весточку, что он здесь, рядом. Но как назло нет такого человека.

Все новые и новые группы молодых офицеров уходили в штаб за документами. Улыбаясь, возвращались. Потом – взмах руки, торопливый шаг к машине. И вот уже пыль клубится по дороге...

- А что майор говорит?

- Скоро пойдем куда-то. Не пускает, - махнул он рукой и обратился к проходящему мимо младшему лейтенанту:

- Сколько времени?

- Тридцать ...

Федя снова лег. Достал из вещмешка сухарь, и тот вскоре захрустел на его крепких зубах. Молчим. У меня нет слов ни для утешения, ни для совета.

65-летию Великой Победы посвящается

- Скорей бы уже уйти отсюда. Веришь, Саша, как магнитом тянет к дому, - сказал он тихо и задумчиво, жалуясь. Повернулся на спину, отложил сухарь. И уставился большими глазами в бездонное, голубое, родное, теплое небо.

- Федя, давай-ка сварим кашу, - предлагаю ему первое пришедшее на ум.

- Это можно.

- Идем искать посуду. Бери свой вещмешок.

Выпросив у старушки кастрюлю с тряпичными затычками в больших дырах, мы разложили костер на поляне. Я принялся «кочегарить», а Федя – собирать сухую прошлогоднюю траву, сухие веточки. Вскоре пшенная каша из концентрата стала нагонять аппетитную слюну.

- Уже готова каша? – встретила нас старушка у двери, когда мы возвращались в хату с варевом.

- Просим в компанию, мамаша.

Когда начали раскладывать кашу по тарелкам, пришла соседка. Досталось и ей нашего варева. Посуда быстро опустела, а расходиться старушки не хотели. Начали осторожно, несмело задавать нам вопросы: кто мы такие и откуда? Первым отвечал я. Их обрадовало то, что не всю нашу страну разграбили фашисты, что есть на нашей земле города, куда фашистам «и вжисть не дойти».

- А ты, сыночек, тоже, знамо, издалека? Из Ташкента? – обратилась хозяйка к Феде.

- Я-то? – он посмотрел на меня. – Местный я, мамаша.

- А-а, значит, издалека... - вздохнула хозяйка, - считая, что он пошутил.

- Здешний, из Соколовки, - уточнил Федя. - Соколово-Кундрюченской.

- Ка-ак? Из нашей Соколовки? – удивилась соседка. Встала, подошла к нему и прищуренными глазами уставилась на моего друга. – А фамилия?

- Собакаревы.

- Ваш дом напротив колхозного сада?

- Да, это наш дом.

- Дома побывал уже?

- Нет, - с трудом сдерживая себя, коротко ответил он.

- Давно ушел из дома? – не могла она успокоиться.

- Четыре года уже. Не знаю, как там наши живут.

- Так я ж вот недавно видела твою мать Анастасию! – обрадовалась соседка. – Жива... Жива она.

- Спасибо. Значит, встретимся, - Федя повеселел. И хотя он ничего больше от нее не узнал, но уже заулыбался, словно побывал дома. А собеседницы наши враз сникли, переглянулись, и по их морщинистым щекам покатались крупные горошины слез.

- Сыночки мои родные, где вы сейчас? Где голубки мои? – запричитали они враз одинаковыми хриплыми голосами, обжигая наши сердца.

Вечером, уже в сумерках, Федю вызвали в штаб. Я ждал его с нетерпением, предчувствуя скорое наше расставание.

- Ну, что? – встретил я его вопросом, когда он вернулся. – Дали направление? Куда?

- В Соколовку – от улыбки засветились его белые зубы.

- Разрешили повидаться, побывать в Соколовке?

- И тебе разрешили побывать в Соколовке! Всем разрешили. Мы сейчас выходим в Сулин через Соколовку. Я буду проводником на этом маршруте. В Соколовке заночуем.

Утром 1 июня 1943 года с восходом солнца я проснулся на небольшой зеленой лужайке, на улице среди села напротив дома Феи Собакарева. Осмотрелся... Село как село – обычное, но какое оно дорогое моему другу, как много он рассказывал мне о нем и в училище, и в поезде, и когда мы шли сюда ночью. Он показывал мне направо и налево, поясняя, где какие поля, сады. Я смотрел в ночную темноту и мог только мысленно представлять себе, о чем друг с таким увлечением рассказывал мне.

Вскоре Федя пришел ко мне поделиться приятной новостью.

- Ну, как дела? Как встретили? – спросил я, глядя на него с белой завистью: ведь мой дом был так далеко. И с каждым днем я уходил от него все дальше и дальше.

- Ну, это самое, подошел я к двери, постучал. Никто не отозвался. Стучу еще, - начал Федя рассказ, улыбаясь, как ясное утреннее солнце. – Тишина. А у самого сердца готово было вырваться из груди: а вдруг никого дома нет? Тогда в третий раз – и погромче. И тут слышу, кто-то подошел к двери и спрашивает: «Кто там?». Это была мама, я сразу узнал ее голос, - при этих словах Федя улыбнулся. – Откройте, говорю. – «Кто вы такой?» - Отвечаю ей: это я, мама, твой Федя. Не узнаешь? – Дверь открылась. Мы несколько секунд ошолбенело смотрели друг на друга. И вдруг она, потеряв сознание, упала мне на руки. Я внес из сеней ее в комнату.

Федя немного помолчал, посмотрел куда-то вдаль, любясь своим селом, близким ему краем.

- Ну, а дальше? – не удержался я от вопроса, желая мысленно представить, как бы меня встретили дома.

- Она меня не ждала. Товарищи из нашей части проходили через село, заходили к нам и рассказали, будто я без руки и без ноги... И вовсе умер. Оплакали меня. Вот так...

- Братья как? Живы? – перебиваю его.

- Ладно, Саша, потом все подробней расскажу. А сейчас пойду собираться. Скоро выходим, - и он побежал к дому.

65-летию Великой Победы посвящается

Эти дни запомнились мне на всю жизнь. Поговорить с Федей на эту тему нам потом не довелось: вскоре мы оказались в разных частях и разошлись наши фронтовые дороги.

После войны, которая закончилась для меня в Австрийских Альпах, я решил узнать о судьбе однокашника по Ашхабадскому военному училищу. Послал запрос в Соколовский поссовет. И через время получил ответ: «На ваше письмо от 4 мая 1970 года сообщаем, сто Собакарев Федор Степанович погиб во время Великой Отечественной войны 27 октября 1944 года. В настоящее время в нашем поселке живет его брат Николай Степанович и его мать Собакарева Анастасия Ефремовна»...

Много Федя писем писал домой, но, к сожалению, ни одного не сохранилось. В последнем письме он обещал в Берлине чай пить. Не пришлось – погиб. Четвертый раз пуля не прошла мимо его сердца (до этого Федя был трижды ранен). Получила мама Анастасия Ефремовна извещение да его ордена Красной Звезды и Отечественной войны первой и второй степени. Погиб Федор в Восточной Пруссии, в селе Гросс-Тросенек, где и погребен с воинскими почестями...

В центре поселка возвышается мемориал в честь погибших односельчан в Великой Отечественной войне. На мраморных досках написаны имена погибших. В саду поселковой школы посажена аллея березок. Каждая березка наречена именем погибшего на войне жителя поселка Соколовка. Растет там и березка Федя.

Николай Бубелев

Уходили мальчики из юности

Позабыв про беды и про трудности,
Оборвав в тревогах свои сны,
Уходили мальчики из юности
По дорогам пламенным войны.

Мальчики-герои. Рядовые.
Будто бы пришельцы из легенд.
Пулями пробитые навывлет,
Падали под знаменем в огне.

Капли крови что земные родинки.
Сколько их осталось в тех краях.
Умирали мальчики за Родину
Со стихами Блока на устах.

Комсомольцы! Люди с чистой совестью,
Шедшие сквозь смерть, огонь и дым.
Мы еще о них напишем повести
И поставим памятники им.

Добрая память

Под Ивней, на взгорье покато,
Склонившись по самый гранит,
Одна над могилой солдата
Печальная ива стоит.

Солдат здесь погиб на рассвете
Под танком в бесстрашном броске,
Шагнул навсегда он в бессмертье
С гранатой последней в руке.

С тех пор в карауле бессменном,
Склонившись по самый гранит,
Над прахом героя нетленным
Печальная ива стоит.

Стоит с сорок третьего года
Ровесница славных легенд,
Как добрая память народа
О павшем на Курской дуге.

***И. Новосельцев,
ветеран войны и труда,
член Союза журналистов СССР***

Синие глаза (фронтовая быль)

Как-то в одну из новогодних ночей военного лихолетья мы сидели у затухающего костра – Яков Король и я. На лапчатых ветках елей лежали пушистые комья снега. Яша, обтирая рукавицей иней с кожуха автомата, как обычно напевал свою песенку о синих глазах. Ее мой друг сочинил сам. Я перемешивал в закопченном котелке кашу и думал: «И может же человек столько души и чувства вкладывать в такие незатейливые слова». Я знал,

65-летию Великой Победы посвящается

что Яша ни от одной девушки не получает писем. И все же в ту ночь я не удержался:

- Скажи, Яша... Это у нее синие глаза?

Яков поднял голову:

- Да... У нее...

- А где же она, эта девушка?

Мой друг пожал плечами, лицо его стало задумчивым:

- Кто ее знает? Я ведь ни разу ее не видел. Знаю только, что у той, которую люблю, глаза непременно будут синие-синие...

Под утро наша рота атаковала занятый немцами хуторок. Луна, маленькая и яркая, висела еще высоко над головой, когда, проваливаясь выше колен в сухой скрипучий снег, мы вышли на опушку леса. Заснеженные крыши недалекого хуторка серебрились, бросая на искрящийся снег глубокие тени. Немецкие дозоры не спали. Вскоре в воздухе, словно большие красные осы, понеслись трассирующие пули. С противным свистом они зарывались в снег перед нами, а мы бежали вперед, забыв, что встреча с любым из этих красивых огоньков грозит смертью. Мы торопились, ибо в хуторе запылало несколько изб, подожженных гитлеровцами. Запорошенные снегом, разгоряченные и потные, мы ворвались в хуторок, и из врагов, пытавшихся его удержать, в живых остались только пленные. Рушились объятые пламенем крыши и стены изб, фонтаны искр взлетели вверх к едва различимым звездам. Откуда-то из мрака выбегали люди, обнимали нас, целовали в горячие лица. И все причитали: «Спасибо, хлопцы, спасибо! С Новым годом вас, родные!...». Подкатившие к горлу комки мешали дышать, и потому мы молчали, хотя на сердце было радостно, и слезы туманили глаза...

Через час мы с Яшей вышли пройтись по хутору. Пахло гарью, дымились обугленные бревна, по которым еще бегали синеватые огоньки.

Близился рассвет. Было то время, когда на востоке вот-вот забрезжит утренняя заря и на фоне посветлевшего неба четко вырисуются зубчатые вершины деревьев. А пока что даже воздух насыщен синью.

Неожиданно Яков дернул меня за руку:

- Смотри!

Я повернул голову. В нескольких шагах от нас, разбросав руки, на земле лежала девушка. На груди темнела проступившая через белую шубейку кровь.

Мы подошли ближе. Яша склонился к белому лицу убитой и вдруг порывисто выпрямился. Не обращая ко мне и не скрывая волнения, а он был всегда спокоен, удивительно спокоен, как-то сдавленно произнес:

- Глаза... Синие-синие...

Я нагнулся над убитой, глянул в ее широко открытые, окаймленные заиндевелыми ресницами глаза. Туманная пелена смерти заволакивала

роговицу, делала ее тусклой и мутной. Но несмотря на это глаза девушки были синие-синие.

Мой друг Яша отстранил меня, опустился на колено и долго-долго всматривался в лицо убитой. Больше он не проронил ни слова и лишь чаще обычного поглаживал сильной, натруженной рукой свой автомат.

Много разных дорог прошли мы с Яковом плечом к плечу, связанные грубоватой и великой солдатской дружбой. Не один пуд крутой солдатской каши съели из одного котелка. Только уже никогда после того памятного случая не слышал я, чтобы Яков напевал свою песенку о синих глазах. Но не один раз приходилось мне наблюдать, как глубоко задумавшись, не отрываясь, смотрел мой друг в синеющее на рассвете небо.

Артур Сапунов

Баллада о старшей сестре

До сих пор я забыть не могу,
Снова вижу и вижу это:
Ты стоишь на зелёном лугу
Под лучами весеннего света.

Торопливо читают глаза
Фронтowej неразборчивый почерк.
Сколько чудного можно сказать
Языком фиолетовых строчек!

Как всегда за версту от села,
Почтальона встречая быстрее,
Ты письмо фронтowej брала,
От великого счастья краснея.

В затемнениях тех воинских лет
Возле сирот, тревог и печалей
Люди собственной радости свет
От других деликатно скрывали.

Но беда к твоим тонким рукам
Прилетела строкой на излёте:
«Ваш товарищ, - писал комполка, -
Был героем. Сгорел в самолёте».

Обрывая о счастье мечты,
В лёгком платье из светлого ситца,
Вскрикнув, рухнула вдруг на цветы
Страшным горем подбитая птица.

Понимаю теперь, почему
В тот же день наша добрая Галка,
Стиснув зубы, ушла на войну,
На прощание с мамой поплакав.

Годы шли. И из дальней земли,
Где развеялась дымная хмурость,
Возвратились домой журавли,
Только с ними она не вернулась.

И не слышим мы в песнях весны
Галин голос, весёлый и тонкий.
Заровняли колёса войны
Лёгкий след моей старшей сестрёнки.

Говорил мне сосед наш вчера –
Походил он в пехоте немало –
Будто где-то в Карпатских горах
Галя раны ему бинтовала...

Почему я забыть не могу,
Снова вижу и вижу это:
Ты стоишь на зелёном лугу
Под лучами весеннего света.

***Нина Васина,
член ТО «Автограф»***

**Светлая вам память!
Ветеранам**

Синий лен — взгляд ушедших от нас стариков –
И печален, и скорбно прощален.
Их от ран и болезней так много ушло –
Той, последней войны, ветеранов.
Их ломали, как лен, в этой страшной войне,
Жгли, топтали, стреляли, крушили.

И, как лён, прижимаясь к родимой земле,
До последнего дрались и жили.
Бабы, вдовы, детишки толпой
Ждут с надеждой защитников наших домой,
А мужчины в боях и могилах.
Но с Победой пришел к разоренным войной
И сожженным деревням и сёлам
Искалеченный, непокоренный герой –
Ему враг оказался по силам.
Вновь из пепла встает богатырский народ,
Города поднимает и страны,
Только ночью, когда тишина упадет,
Тихо стонут во сне ветераны.
Слава Вам, не жалевшим себя ради нас,
Уходившим лишь в вечность из боя,
Слава павшим, живым и ушедшим сейчас,
Слава всем ветеранам – Героям.

Это стихотворение я написала в память о двух замечательных людях – Василии Николае Семеновиче и Елизавете Семеновне, родителях мужа, ставших и мне отцом и матерью.

Николай Семенович родился в 1916 году в Орловской губернии. Большая семья, спасаясь от голода, в 1933 году переехала в город Енакиеву на рудники, куда с 18 лет пошел работать Николай.

После призыва в Красную Армию он был зачислен курсантом школы младших командиров НКВД, по окончании которой очищал Среднюю Азию от остатков банд басмачей. В 1941 году стал курсантом 7-го Сумского артиллерийского училища. Война ускорила выпуск молодых офицеров, и с октября он уже был командиром взвода, воевал в составе 89-го артиллерийского полка 40-ой армии. Затем было окружение под Старым Осколом, когда немцы рвались во что бы то ни стало еще до осени взять Москву. После прорыва из окружения был разжалован и направлен командиром 8-го отдельного штрафного батальона в составе Центрального фронта.

А потом? Потом была деревня Прохоровка и то знаменитое танковое сражение, вошедшее впоследствии во все учебники.

Когда в преддверии празднования Дня Победы Николаю Семеновичу школьники задавали вопросы о войне, то разговор непременно переключался на Прохоровку – так сильна была память о пережитом ужасе, потерянных товарищах, тяжелом ранении и награждении за эти бои орденом Красной Звезды. Это там, на Орловско-Курской дуге, столкнулись в кровавом месиве жажда власти и жажда жизни. Там, преодолевая усталость, страх и боль, долбили прямой наводкой фашистские танки наши минометчики и артиллеристы. Это оттуда уже после войны эшелонами вывозили на переплавку искореженный металл, а политая драгоценной

65-летию Великой Победы посвящается

человеческой кровью земля до сих пор смотрит на этот мир голубыми глазами васильков.

После излечения в госпитале Свердловска Николай Семенович Васин был командиром огневого взвода 67-ой Армии Ленинградского фронта. Закончил войну в крепости Кенигсберг, получил еще одно ранение и до демобилизации служил командиром огневого взвода 16-ой Литовской дивизии.

Елизавета Семеновна тоже прошла огненными дорогами войны. Коренная новошахтинка, она после освобождения города от фашистов ушла на фронт связисткой, дошла фронтовыми дорогами до самого Будапешта. О войне она никогда не рассказывала, лишь иногда говорила, что сейчас особенно страшно возвращаться назад, в память. Следствие таких экскурсов в прошлое – бессонные ночи или ночные кошмары.

В мирной жизни все, кто знал этих людей, запомнили их за отзывчивость, доброту и готовность всегда прийти на помощь, а Николая Семеновича еще и за неиссякаемый оптимизм, юмор и удивительно красивые голубые глаза.

Светлая память Вам, мои родные.

Василий Дикунов

Концерт под Новошахтинском (ноктюрн)

На освобожденной территории –
Нынче взводный, а вчера студент –
Доброволец из консерватории
Для товарищей дает концерт.

Вышел музыкант не на эстраду –
На обломок рухнувшей стены.
Не софиты – только хлопцев взгляды
Молча на него устремлены.

Разбираясь в музыке не шибко,
Конники уселись в полукруг.
Что-то нежное им шепчет скрипка,
А сердца их отвечают вслух.

Парни краснодарские, ростовские.
Ходит чей-то по кругу кiset...
Тихо, как на конкурсе Чайковского
Будет тихо через двадцать лет.

Словно заморожены ребята.
От волненья пробирает дрожь.
Руки держат ложе автомата,
Что на скрипку чуточку похож.

И пасутся кони у обрыва,
Теплую траву губой беря.
На закате в их густые гривы
Лентою вплетается заря.

Это кратко, как ракеты вспышка.
Может, ночью снова в бой идти.
А пока на фронте передышка –
Музыкой лишь душу отвести.

Мирных дней волнующее эхо...
Скрипка манит, словно огонек.
Сам Толбухин на концерт подъехал
В маленький разбитый хуторок.
У студента – первая эстрада:
На концертах он не выступал.
Как не волноваться, если рядом
Слушает товарищ генерал!

Нет, не эскадрону – всей России
Он играет нынче не дыша,
В каске и обмотках Паганини,
В музыку ушедшая душа...

Аллея памяти

На аллее славы тишина,
Только сердце бьется учащенно.
Кажется, что павших имена
Выстроились тут побатальонно.
Вот из Несветая батальон,
Батальон ковыльного Самбека...
Кто в боях под Киевом сражен,
Кто в сугробах краковского снега...
Клики горлиц в тишине слышны,
И зеленой ивы дух медовый...
На цветы у памятной стены

Все еще роняют слезы вдовы.
Братские могилы у дорог, и зовут живущих обелиски,
Ну, а тут – шахтеров павших списки –
Все, что город сделать для них смог.
Светятся героев имена,
К полночи и елочки уснули.
Не уснула Память – лишь она
Здесь в своем бессменном карауле.

Вечно живые (главы из поэмы)

*Памяти танкистов Н-ской дивизии
Григория Лобанова и Степана
Никифорова,
которым присвоено звание Героя
Советского Союза, посвящается*

I

От Воронежа течет к Ростову Дон,
Мудрую свою несет красу.
Где берет прохладу, свежесть он?
У зари, у звезд, в ночном лесу.

Белый камень, щедрая земля,
Хутора да на низах станицы
Чище голубого хрустала
Кажется вода в твоих криницах.

Есть у придорожных тополей
Малая, но тайная примета –
Как улыбки чистые детей,
Между теплых веток блики света.
Падает неслышно на песок
Вызревшее яблоко донское,
Словно солнца спелого кусок
Оторвалось, зашумев листвою.

Жизнь своим певучим языком
Так и говорит привычно с нами...
Знает Дон о счастье о людском
С радостями, с песней и трудами.

II

Горький дым распластался над Доном,
Почернел от огня верболоз,
Это в мир по путям запыленным
Враг великое горе принес.

Ночь настанет – и видится снова
Дальних зарев неласковый свет.
...По степям и посадкам вишневым
Лег извилистый, ломаный след.

То горбатые танки фон Клейста
Зарычали над степью донской.
А приказ очень краток: ни с места!
Стой, Лобанов! Никифоров, стой!

И, прекрасный и в счастье, и в горе,
На виду у пришельцев-врагов
Гневный Дон на июльском просторе
Топит хмуρο остатки мостов.

А Лобанов – по плечи из башни.
Чует локоть брони холодок,
Ветер с Дона, низовый, вчерашний
С робкой лаской касается щек.

День, родившийся в дыме багровом,
Свое слово еще не сказал,
Но свершить свое дело готовый,
Приникает к затворам металл.
Вот они из-за гребня оттуда
Показались. Минули овраг...
И кресты нарисованы всюду
На угрюмо ползущих «гробах».

Ну, пора! Гриша цель себе ищет...
Башня враз на одном – пополам.
Вот и пусть им тут будет кладбище,
Где торчать подобает крестам!

Свой бы танк сохранить, не подставить
На расправу чужому огню.

Ветер с Дона шумит над кустами,
И осколки стучат о броню.

Сник в сиденье убитый водитель.
Пал стрелок... Ты за весь экипаж,
За друзей за погубленных мститель.
Танк – живет! Нет, враги, он не ваш!

В башне душно и жарко от газа,
Ну-ка, к черту долой этот люк!
Приникает он к триплексу глазом:
Сколько там запылало их штук?
Вон поникшие, с пушками снизу
Шесть проломленных танков врага
В поле дымом окутаны сизым
И горят, как соломы стога...

Задыхаясь от гари и зноя,
Бил Лобанов на выбор, в упор...
Небо вдруг с его синью сквозною
Покачнулось...померк его взор...

Трубку рации поднял Лобанов:
Рапорт в штаб... он на той стороне...
- Враг задержан...горю на кургане –
И приник к раскаленной броне...

Ты в танкистском поношенном шлеме,
Бинт намок в твоей теплой крови...
Вот таким и останься в поэме,
В славе вечной своей ты живи!

III

Друг погиб. Никого у Степана
Нет ни слева, ни справа. Один.
А навстречу ему из тумана
Шли шестнадцать немецких машин.

Вот уже поднимаются трое,
Шевелятся в наводке стволы...
Он курган этот грудью прикроет,
Как гнездо прикрывают орлы.

«Мир придет, - жить велела надежда –
То-то будет везде торжество».
...Но товарищи до Будапешта
И до Эльбы дошли без него

Без Степана в году сорок пятом
Состоялся победный парад.
Приписались по военкоматам
Без него кто вернулся назад.

Пробежав по броне по ребристой,
Пламя хищно коснулось лица...
Так в бою умирают танкисты:
Словно факел, горят их сердца.
Ночь пришла. Млечный путь расстелила.
Все прочла у Степана в глазах.
С той поры появилась могила
На кургане в терновых кустах.

Обгоревшая башня да траки –
Ржавых гусениц лента... Любой
Угадает, увидя те знаки,
Что пронесся здесь танковый бой.

Вот степановой хатки приметы:
Перед танком советским одним
Пять немецких ржавеют «скелетов»,
В том бою расколотых в дым...

В книгу славы труд вписан твой ратный
Хоть короткой, но веской строкой.
Здесь, в придонской степи необъятной,
И Лобанов спит рядом с тобой...

Самый крепкий металл умирает,
И броня превращается в прах.
Только подвиг ваш смерти не знает, -
Будет жить он, как песня, в веках.

Н. Лебедева

Всё меньше тех, кто знал войну не по рассказам

Василий Маркович Дикунов, мой отец, мало говорил о войне, особенно о том, что был в плену. Сама я его о том не расспрашивала, жила своей жизнью: школа, студенческие годы, потом — семья, дети. Но прошло время, и я вдруг поняла, как мало знаю о молодости близкого мне человека, о самом трудном периоде его жизни. А расспросить было уже некого...

По истечении более 20 лет после его смерти, когда открылись многие архивы, я написала письмо в ФСБ России с просьбой ответить на мой вопрос о судьбе отца в 1941-1945 годах. Ответ меня ошеломил. Вот что в нем было написано: «1 августа 1941 года в районе села Дружелюбовка Добровеличковского района Ростовской области В.М. Дикунов был взят немцами в плен и вывезен в Германию. В период нахождения в плену содержался в лагерях военнопленных в Ландсдорфе, Бойтене, Ульме, Вайтене, Эдинбурге, Найсне, работал чернорабочим. 24 апреля 1945 года был освобожден из плена союзническими войсками. После освобождения направлен на госпроверку, в ходе которой было установлено, что за период нахождения в плену преступления против Родины он не совершал.

Об этом периоде его жизни мне поведали скудные строки архивных документов, а не живое слово моего отца. Восполнить этот пробел в моем с ним общении я попыталась поэтическими строками, посвятив их ему и желая оставить память о нем своим детям и внукам.

Моему отцу

Дикунову Василию Марковичу посвящается

Мой отец... Я помню до сих пор,
Как он мне рассказывал когда-то,
Что на службу в Армию пошел
По повестке из военкомата,
Что мечтал увидиться скорей
С матерью, отцом, сестрой и братом,
Только вдруг – война...
Мальчишек в бой повели безусые комбаты.
Трудный бой, потом немецкий плен.
Вехами надежд и горя были:
Бойтен, Вайтен, Ульм и Эдинбург.
В Найсне его освободили.
Довелось отцу тогда увидеть

Гибель ставших близкими людей.
На судьбе остался отпечаток
Концентрационных лагерей.
В том аду ему хватило сил
Все перенести и не сломаться.
Он всё смог, он выжил, победил,
Чтобы в своих детях продолжаться.
А после войны был мирный труд
На селе и в шахте на проходке.
И качалась на волнах судьбы
Его жизни маленькая лодка.
Часто, лишь глаза я закрываю,
Как картина детства возникает,
Словно кадры старого кино,
Что смотрела я давным-давно...
Степь кругом и знойная погода,
Чуть скрипели старые борта,
Я с отцом, а мне четыре года.
Мы возили сено для скота.
Два сурка за бричкою бежали,
И казалось, что земля дрожала
От колес железных и копыт,
А за нами пыльный шлейф летит,
Но сменился кадр. Другое лето.
И село другое. Мы втроем.
Мать с отцом такие молодые.
В гости через поле мы идем.
Путь у нас лежал совсем неблизкий,
И идти мне не хватало сил.
Брал меня отец к себе на плечи,
По мосту над речкой проносил...
С той поры немало лет прошло.
Счастье с горем рядышком ходили.
В общем, было всё, как у других:
Чаще – бури, реже были штили.
От душевной боли и тоски
У меня спасительное средство:
Нахожу невидимую нить,
Меня соединяющую с детством.

Нина Лебедева

Ветеранам Отечественной

Уходят дальше, в глубь истории
Сраженья тех далёких дней,
А на параде вновь построены
Солдаты Родины моей.
И вы когда-то были молоды
И встретили войны конец
Со знаменем с серпом и молотом,
Что цвета пламенных сердец.
А после – голод лихолетья
И власти не щадили вас,
Но вы смогли шагнуть в бессмертье,
Чтоб продолжалась жизнь сейчас.
Года сменяются годами,
И век уже идёт другой,
Горят тюльпаны цвета знамени,
С которым вы ходили в бой.
Мы преклоняемся пред вами,
Чтоб поздно не было, сейчас...
Тех лет уходят ветераны,
Уходят медленно от нас.

Поклонимся ветерану

Дни Победы считаем
От весны до весны.
С каждым годом все меньше
Ветеранов войны.

Время так незаметно
Пролетело-прошло.
Где сражения были,
Все травой поросло.

Где сражения были,
Поднялись города.
Пусть людей, там живущих,
Не коснется беда.

А весна ветерану
Дарит солнечный свет.
Он идет к обелиску
С грузом прожитых лет.

Стала шаткой походка,
Затуманился взгляд...
Цветом алым тюльпаны
У подножья горят.

Улыбаются губы,
Но с грустинкой глаза.
По щеке прокатилась
Вдруг скупая слеза.

Чуб когда-то был черным,
А теперь – седина:
Он потерь и лишений
Испил чашу до дна.

И морщинки лучами
Разошлись возле глаз.
Поклонись ветерану:
Он сражался за нас.

Свою землю святую
И родную страну
Он безусым солдатом
Защищал в ту войну.

Дни Победы считаем
От весны до весны...
Лучшей доли достойны
Ветераны войны.

*Н. Крылов,
журналист – ветеран*

Фронтовая страда

Из низко нависших над степью тяжелых туч сыпал мокрый редкий снег, который тут же таял на разбухшей от влаги черной земле. Временами снег переходил в мелкий дождь и степные просторы у горизонта заволакивало серой пеленой.

Колоннами шли бойцы по пахотной земле, утопая ботинками в холодной липкой грязи. Некоторые сержанты вышагивали в кирзовых сапогах, еле вытаскивая ноги из жидкого месива. После них оставались на пахоте огромные, глубокие, бесформенные следы.

В голове пятой роты, рядом с высоким лейтенантом Урошадзе, шагал здоровенный плечистый парень в низко надвинутой на голову каске. С трудом вытаскивая большеразмерные сапожищи из грязи, он то и дело смахивал с лица капли пота. Его автомат почти совсем съехал с могучего плеча и держался лишь на выступе размокшей шинели. Это был старшина Михаил Ярошенко. По натуре общительный и веселый, он пользовался всеобщим уважением среди бойцов, хотя это не мешало ему быть требовательным и принципиальным в соответствующей обстановке. Правда, его замечания бойцам часто носили иронический характер, на что они тоже не оставались в долгу. И неудивительно, что так крепко привязался к старшине Володька Званцев, любитель травить байки по любому поводу.

Вот и сейчас Володька не сводил глаз со старшины, не без иронии наблюдая, как тому с большим трудом удается делать каждый шаг, поднимая в воздух пудовые комья чернозема.

Некоторое время Володька молчал, перемигиваясь с ребятами, наконец не выдержал:

- Старшина! Зачем всю почву у нас из - под ног забираешь? Или забыл, что за тобой целая рота идет?...

Грохнул над степью дружный солдатский хохот. Ярошенко, неловко обернувшись, устало улыбнулся, смахнул с носа капельку пота.

- Тебе хорошо в ботинках прыгать, как коза, и никакой тяжести.

- Если не секрет, - не унимался Званцев, - какого же размера твои сапоги?

- Пятьдесят шестого... Ух, и засосало же! Заболтался с тобой, чуть весь в землю не ушел, - старшина с усилием вытащил сапог, отчего грязь под его ногой звучно хлюпнула.

Невдалеке от колонны в липкой пахоте застряло орудие. Мокрые лошади с оскаленными мордами и выпученными от натуги глазами пытались стащить с места пушку, которую сзади подтолкнули артиллеристы. Но все было тщетно, пушка, казалась, еще глубже ушла в грязь.

- А вот и подмога пришла! – крикнул один из артиллеристов. – Эй, пехота! Подтолкнем, а? Вспомним «Дубинушку»...

Под руководством старшины Ярошенко бойцы дружно налегли на лафет, взялись за колеса. Орудие выскочило из глубокой колеи. Лошади пустились было вскачь, но огромные глыбы земли, налипшие на колеса, заставили их остановиться.

С пронзительным воем над головой пролетел снаряд. Позади колонны раздался оглушительный треск разрыва. Все невольно пригнулись, некоторые попадали на землю.

- Пристреливаются гады, - со злостью сказал старшина и обратился к командиру роты.

- Товарищ лейтенант, очевидно, надо рассредоточиться.

Через некоторое время за серой завесой испарений и мелкого дождя показалось разбросанное по холмам и буеракам огромное село, из которого и вел огонь противник. Множество различных построек и мазанок из-за расстояния сливалось то в большие белые пятна, то в неровные линии, над которыми кое-где маячили красные полосы – видимо, черепичные крыши.

Обстрел со стороны села стал более интенсивным. Роты залегли. Поступила команда окопаться. Частые разрывы слышались в основном позади, но постепенно приближались. А вскоре комья чернозема вместе с воем осколков стали взлетать в воздух совсем близко. Броском вперед бойцы выскочили из-под огня и залегли в неглубокой балке. Над их головами стремительно пронеслись наши краснотелые штурмовики.

Анатолий Ковалев лежал возле ручного пулемета и, напрягая зрение, смотрел в серую муть, пытаясь что-нибудь там различить. Неясно проглядывалась окраина села, впереди нее маячили какие-то темные черточки, похожие на поставленные столбики. Что это за частокол? Или ограда из стоящих камней? Но вот Анатолий заметил, что «ограда» не стоит на месте, а медленно приближается. «Немцы! – мелькнуло в голове. – Идут цепью».

... Над нашими позициями стояла тишина. Только слышно, как слева и справа тихо переговариваются бойцы. Рядом с Анатолием лежит его второй номер, молоденький Виктор Омельченко, недавно прибывший в роту с пополнением. По всему видно, он ничего не заметил и смотрел вперед равнодушно, с выражением скуки в глазах.

- Чего лежим? – сказал Виктор. – Вон и село уже близко... Эх, погреться бы в хате, обсушиться.

- Ты что, не видишь? – Анатолий кивнул в сторону села. - Немцы навстречу идут.

- Где немцы?

- Протри глаза и глянь вперед. Сейчас жарко будет.

- И правда! - лицо Виктора побледнело, глаза расширились. – Что же мы молчим, не стреляем?

- Команды не было. Но пулемет надо проверить. А ты диски посмотри, не попала ли в них земля.

Омельченко начал один за другим осматривать пулеметные диски, вытер их тряпкой. Руки у него слегка дрожали: видимо, в предчувствии первого боя.

Цепи гитлеровцев приближались. Можно было уже различить их чуть согнутые вперед фигуры, автоматы в вытянутых руках. А над нашими позициями продолжала стоять тревожная тишина. Ковалев уже взял на прицел часть вражеской цепи и держал палец на спусковом крючке.

Команда «огонь!» раздалась внезапно, хотя ее и ждали в каждом подразделении. Загремели выстрелы, застучали пулеметы, сухим треском прорезали воздух автоматные очереди. Цепи противника сразу поредели, в его рядах началось смятение. Откуда-то сбоку выскочили конники, которые, не выдержав плотного огня, закружились на месте, потом помчались в сторону села.

Расстреляв один диск, Ковалев вставил второй. Прицелился по группе убегающих конников, нажал на спуск, но пулемет, дав короткую очередь, внезапно заглох. Анатолий снова с силой нажал на крючок, но выстрела не последовало. Он несколько раз толкнул затвор, постучал кулаком по диску – пулемет молчал. А навстречу, уже недалеко, пригнувшись, двигались новые цепи гитлеровцев. «Черт возьми, - ругался Ковалев, чувствуя, что сильно вспотел от напряжения, - видно, диск засорился, а может, сам пулемет?». Виктор Омельченко, бледный, с испариной на лбу, торопливо подсовывал новый диск, но результат был тот же.

- Ковалев! – послышался где-то сзади тревожный голос взводного, лейтенанта Левакова. – Что молчишь? Не видишь, что творится впереди?

- Вижу, - сдавленно проговорил Анатолий. – Все вижу... Но вот что за чертовщина получилась – не пойму.

За грохотом пальбы лейтенант не расслышал слова Ковалева, который подполз поближе и сердито крикнул:

- Стреляй, тебе говорят! Не фокусничай!

Анатолий проверил очередной диск, он был в полном порядке. Открыл затвор и тут только заметил, что возле патронника налип слой грязи. «Вот оно что! Ударник, видно не достает...». Ногтем мизинца счистил грязь, затем взял у Виктора кусок ветоши и вытер все начисто. Поставил диск на пулемет, взялся за спуск и глянул в сторону противника. Большая группа гитлеровцев металась напротив не遠далеке. Холодок прошел по спине Анатолия. Он быстро прицелился, дал длинную очередь. Заметил, что несколько гитлеровцев сразу упали, скошенные пулями. Остальные в беспорядке повернули вспять и залегли. Но перед тем, как залечь, получили пули в спину. Стрельба поутихла. Противника впереди не было видно, но с его стороны продолжали раздаваться одиночные выстрелы. Не видя цели, Анатолий прекратил стрельбу и устало вытер вспотевший лоб рукавом.

Подполз взводный Леваков. Он был радостно возбужден:

- Молодец, Ковалев! Здорово им всыпали...

Лейтенант вдруг осекся, тихо вскрикнул, потом глухо застонал. Анатолий и Виктор тотчас кинулись к нему.

- Что с вами, товарищ лейтенант? Ранило?

- Ногу вот... прошило. Шальная, видно.

Лицо взводного, искаженное гримасой боли, побледнело.

Пришлось с лейтенанта осторожно снять штаны, и тогда Анатолий увидел сквозной прострел мякоти бедра. Вдвоем с Виктором сделали перевязку...

Взвились в хмурое небо ракеты. Наша пехота пошла в атаку. Увязая в липкой грязи. Анатолий шел, крепко держа в руках еще не остывший от стрельбы пулемет. Напряженно смотрел вперед, где маячили белые хаты. С той стороны раздавались выстрелы, с воем пролетали над головой вражеские снаряды. Внезапно один из снарядов плюхнулся метрах в десяти и не взорвался, только комья черной земли разлетелись в разные стороны. Ковалев с напарником тотчас упали и ткнулись носом в грязь, ожидая взрыва.

- Вот фриц, уже болванками начал пулять, - раздался где-то рядом знакомый голос. Анатолий поднял голову и увидел Званцева.

- Эй, вставайте, - крикнул Володька. – Нечего землю носом пахать. На то техника есть.

Никогда не унывающий балагур Званцев стоял во весь рост и был грязен с головы до ног. Улыбнулся.

- Гвардейцы с пулеметом, чего там замешкались? – послышался голос старшины Ярошенко. – Вперед, только вперед!

Пехота ворвалась в село. На главной улице, застряв в грязи, стояли вражеские машины, нагруженные продуктами и снаряжением. Их водители сбежали, даже не успев выключить моторы. А вдоль улицы уже вели под конвоем большую группу пленных гитлеровцев.

Анатолий Телес

Освобождение

Последний выстрел. Тишина
Над Новошахтинском повисла.
И стала рубежом она
Меж преисподнею и жизнью.
Летела конница. «Ура!»
Неслось, победу возвещая.
Из каждой хаты, со двора
Навстречу жители бежали
С улыбкой просветленной: «Все ж
Дождались мы освобожденья».
От радости бросало в дрожь.
И солнце вновь после затмения
Вдруг засияло в небесах.
Своим величием священным
Стоит сегодня на часах
То солнце счастья. В отдаленье

Березы выстроились в ряд.
В сиянье солнечного света
В своем величии стоят
Как мира добрая примета.

Трудные дни

Помню голод неумный,
Кабачки, как огурцы,
С хрустом, с жадностью грызем мы –
Семилетки-огольцы.
И вздыхает бабка громко:
- Что ж робить. Идет война...
Ходит по миру с котомкой
Вся донская сторона.

Крошки

Без раздумий хлеба крошки
В руку сгреб я со стола,
В кулаке зажал. И прошлым
Память сердце обожгла:
Мы идем за катафалком –
Умер вдруг братишка мой.
Этих крошек не хватало,
Чтоб остался он живой.

Молочай

Память листаю, как книгу.
Мысли – страницы шуршат.
Неожиданно вспомнился выгон,
Поросший травой молочай.
Для нас молочай был спасеньем
В голодное время войны,
Хлебом, борщом и вареньем,
Верю в мирные дни.

Шарф

- Не брал я шарф!
Не брал я шарф! –
Крик до сих пор звучит в ушах.
- Не убивайте! Караул!
Но крик тот выстрел захлебнул.

- Не будет больше вороват
Вещь у немецкого зольдат.
На выстрел весь наш дом сбежался...
А шарф под койкою валялся.

Валет

Немец взвел курок, еще мгновенье –
Распрощаюсь с жизнью навсегда:
И всему виной отцовский ремень,
Где горела золотом звезда.
Но раздался лай – фашист лежит.
Я умчался, а кобель прошит
Насквозь пулями из пистолета...
Ту собаку звали мы Валетом.

Почему?

Говорят, что время лечит раны.
Отгремела уж давно война,
Почему ж гореть на сердце пламенем
Продолжает до сих пор она?
Спиленное дерево не встанет.
Сорванный цветок не зацветет.
Пролитая кровь бурлить не станет.
И убитый голубь не вспорхнет.

Елена Байдакова

Долгая дорога с войны

Будут новые дни, и другие рассветы
Постучат робко в дверь посреди тишины.
Ты усталый придешь, скажешь: «Милая, где ты?
Как же долго я шел с той проклятой войны...»
Украшаю я стол незабудками нежными,
Душу стылую долго ночами мне гревшими.
Устелю ложе наше лиловым бессмертником.
Утром слухи пойдут, умоляю – не верь ты им.
Я тебя одного, слышишь, милый, звала,
До последней минуты тебя лишь ждала.
Посмотри: наш сынок, как и папка, чернявый,
Озорной тот же чубчик, лихой, кучерявый...
Жаль, что папку увидеть ему не пришлось –

Всю сиротскую чашу испить довелось...
Будут новые дни и другие рассветы,
Будут радуги полниться солнечным светом.
...Только в дверь мою робко среди тишины
Не стучишь, не идешь с той проклятой войны...

Маргарита Григорьева

Плач Ярославны

1.

Это было, быть может, недавно:
Для вселенной столетие – миг.
На стене городской Ярославна
Зарыдала, и вырвался крик:
«Солнце ясное! Солнце-Ярило!
Неспокойно на светлой Руси.
Чем, скажи, я тебя прогневила?
От гибели мужа спаси.
Ни хором, ни нарядов не надо.
Без него мне и жизнь ни к чему.
Если б знала сейчас, где мой лада,
Птицей я б полетела к нему.
Облетела б все ратные станы,
Отыскала б его среди битв,
Я б омыла кровавые раны
И утешила чтеньем молитв.
И от вражеских копий укрыла,
И спасла, если б был он в плену.
Солнце ясное, Солнце-Ярило,
Слышишь, я проклиная войну!»

2.

Проносились, как птицы, годы.
Их послушно считал календарь.
Всё менялось, вот только народы
Воевали друг с другом, как встарь.
И уже не мечи – автоматы,
В них – свинец, беспощадный палач.
На войну уходили солдаты,
Вслед кукушкой летел женский плач.
Ад кромешный. Разрывы, воронки.

И корежилась даже броня.
Но даря милосердье, девчонка
Выносила бойцов из огня.
Захлебнулись свинцом пулемёты.
Ближе всё атакующих вал.
Двое их уцелело из роты.
Лейтенант санитарку позвал:
«Мы остались одни, Ярославна.
Жаль вот, пуля засела в груди.
Всё равно фрицам всыпали славно.
А теперь мой приказ – уходи!»
«Уцелей», - он шепнул в оправданье,
Что был с нею намеренно груб,
Прогонял. Вдруг глухое рыданье
Сорвалось с обескровленных губ:
«Сколько крови вокруг! Сколько боли!
Я ничем им помочь не могу.
Сколько их полегло в этом поле,
Чтоб страна не досталась врагу.
Этих мальчиков больше не будет.
Я их к жизни уже не верну.
Я прошу вас: опомнитесь, люди!
Люди, я проклиная войну!»
Солнце тихо клонилось к закату.
Чёрный дым заменял облака.
Немцы шли в наступленье. Гранату
Крепко сжала девичья рука.
Вновь взметнулись свинцовые плети.
Оборвав своей жизни строку,
Чтобы солнце взошло на рассвете,
Стиснув зубы, рванула чеку.

3.

Календарь дни считает исправно.
Век двадцатый уже позади.
Слышишь? Плачет опять Ярославна,
Рвётся стон из скорбящей груди.
С чем пришли к двадцать первому веку?
Что оставим для наших детей?
Видно, мало ещё человеку
Прошлых битв и бессчётных смертей.
К небу тянутся женские руки,

Сердце гулко, тревожно стучит.
Замирают испуганно звуки,
Только плач раздаётся в ночи:
«Бог великий, о, дай же мне силы!
Боже мой, если б только смогла,
Я б собой эту землю закрыла
И от смерти детей сберегла.
Льётся кровь. Небо тускло от пепла.
Снова взрывы казнят тишину.
Я от слёз бесконечных ослепла.
Боже, я проклиная войну!»

Ранним летом птички трели звонки.
Ткут рассветы неба синеву.
Даже и не думали девчонки,
Что пройти придётся сквозь войну,
Что она затмит собой полсвета,
Зачеркнув жизнь огненной чертой,
Навсегда оставит в прошлом лето,
Радость, грёзы, вечер выпускной.
В сорок первом рано вы выросли.
Отложив мечтанья на потом,
Надевали девушки шинели,
Защищать шли свой родимый дом.
Непосильный груз взвалив на плечи,
Были вы с бойцами наравне.
Кто придумал, что вам было легче?
Женщинам не место на войне!

Олег Земляков

Памятник

Застыл в нашем парке навеки
Отлитый из бронзы солдат:
Здесь девять солдат безымянных
В глубокой могиле лежат.

В бою за поселок погибли
Они в сорок третьем году,

Их девять - солдат безымянных -
Осталось лежать на снегу.

Склонился со знаменем красным
Над братской могилой солдат:
Здесь девять друзей по оружию
В глубокой могиле лежат.

Прохожий, застынь на мгновенье,
Над братской могилой склонись,
Цветы положи, непременно
До самой земли поклонись.

И помни: здесь девять героев
В глубокой могиле лежат.
Стоит на посту у могилы
Отлитый из бронзы солдат.

Безымянная могила

Вдоль старых дорог, на полянах
Забытых, заросших травой,
Немало могил безымянных
Солдат, не пришедших домой.

Здесь нет обелисков и слезы
Солдатские вдовы не льют,
Лишь старые плачут березы
Да птицы на зорьке поют.

Подснежник весной расцветает
На старой поляне лесной.
Зимою метель наметает
Сугробы на холмик степной,

Полынь да цветы полевые
Растут на нем летней порой,
А осень кладет на могилы
Из листьев венок золотой.
Огнем над могилами вечным
Далекие звезды горят,
Все те же старушки-березы
Всегда в карауле стоят.

Не знаем фамилий мы павших
В последнем смертельном бою,
Погибших за Родину нашу,
За милую землю свою.

Земля, словно мать, их взрастила,
Звала их на подвиг вперед,
Теперь в безымянных могилах
Их вечный покой бережет.

Невесты

С давних пор на холме за рекою
Одиноко березка стоит,
Как невеста, нарядна весною,
Молодою листвою шелестит.

Здесь когда-то девчонка встречала
С парнем первый весенний рассвет,
На войну его здесь провожала,
Подарила на память кiset.

Здесь погиб как герой безымянный
Незнакомый боец молодой.
Он лежал в гимнастерке багряной,
Обнимая березку рукой.

У березки, израненной боем,
Похоронен солдат молодой.
Та девчонка приносит весною
Ему первый букет полевой.

Ее парень погиб под Москвою,
К той березке уже не придет,
И цветы на могилу герою
Не она, а другая кладет.

До сих пор на холме за рекою
Одиноко березка стоит,
Как невеста, нарядна весною,
Ведь солдат молодой здесь лежит.

Иван Литвинов

Миус – степная река

По балке, затянутой дымкой слегка,
Журчит на раздолье степная река.
А там, где солдаты сражались в боях,
Хлеба колосятся в бескрайних полях.

Я с детства с любимой рекою в ладу
И видел её в сорок третьем году.
Поля и высотки в морщинках траншей,
Ряды заграждений с пучками «ежей» -

Давно это было, ведь время идёт,
Но в сердце моём сорок третий живёт.
О днях, проведенных в среде боевой,
Всплывают картины одна за другой.

Угрюмый Миус, огневая река,
Солдаты ползут добывать «языка».
Товарищи ждут их ночью порой:
Вернётся ли кто из разведки живой?

Но брызнул во тьме ослепительный свет,
Убит лейтенант девятнадцати лет,
Которого мать за горами Урала
С мольбой и надеждой домой ожидала.

Огнём и металлом грохочущий ад
Грозил оборону отбросить назад.
Но словно в траншее солдаты вросли,
Чтоб снова к Ростову враги не прошли.

Дымились воронки, усердствовал враг,
И кровь, и земля у бойцов на губах.
Для многих героев в злом вое металла
Последняя в жизни минута настала.

В безоблачном небе презревшие страх
Сражались пилоты в воздушных боях.
Пехота довольна: опять «мессершмитт»
Хвостатой кометой на землю летит...

Стояла в ту ночь над рекой тишина,
И людям казалось: уснула война.
Но знали бойцы полосы огневой:
Полки на рассвете поднимутся в бой.

Дугу описала над фронтом ракета,
Горнистом с высоты атака пропета.
И в облаке дыма, огня и земли
Лавиною танки в атаку пошли.

Над каской поднял политрук пистолет
И крикнул: «Пощады захватчикам нет!
За Родину нашу идём мы на бой!
Солдаты, в атаку, солдаты, за мной!»

Из дотов и дзотов, слева и справа
Хлестала пехоту свинцовая лава...
Слились воедино с рождением утра
Рождение победы и крики «ура»...

На солнце искрилась степная река,
На запад, на запад спешили войска,
Текли и текли, как в Миусе вода,
Остались лишь павшие здесь навсегда.

У братской могилы я снова стою
И в скорбном молчании честь отдаю
Солдатам, погибшим в отцовском краю,
За счастье моё, за Отчизну мою...

Струится густым ароматом цветник
Ромашек, фиалок и алых гвоздик.
И кажется, этот густой аромат
Разлит над землёю сердцами солдат.

А там, за рекою, на том берегу,
Идёт сенокос на раздольном лугу.
Купаются дети в речном рукаве
Кузнечиков ловят в душистой траве...

Лев Карасев

Памятник неизвестному солдату

Солдат погиб. В степи осенней – слякоть.
До метра пулями передний край прошит.
Он был в бою, со всеми шел в атаку -
Никто не видел, как он был убит.

Тогда, в бою, в минуту роковую,
Он шел на фланге... И случилось так:
Когда бойцам сходиться в штыковую,
В низине вдруг солдат увидел танк.

Не тот ли танк, что сжег родную хату,
Что на Дону в упор в детей стрелял?..
С трех метров в танк солдат метнул гранату,
Врага сразил и сам бессмертным стал...

Он ожил в мраморе, гранату сжав рукою.
В последний раз на взмах пошла рука...
Мы не узнали имени Героя,
Но памятник ему поставлен на века.

Я. Король

Святое место

Лежат под обелиском
Товарищи мои.
Мы взводом утром мглистым
Кровавый бой вели.
Как вспомню, сердце млеет –
Легенда, а не быль...
Я из берез аллею
В их память посадил.
Березки белоствольные
Как на часах стоят,
Что здесь святое место,
Потомкам говорят.

Солдат

На войне я был солдатом,
Прошагал ее насквозь.
Видел, как пылают хаты,
Рощи милые берез.
Ползимы под Сталинградом
До костей я промерзал.
Но победным оказался
Наш последний грозный залп.
Залп, народам возвестивший:
Баста, все, конец войне!
Мы разделились с фашистом –
Выше чести в мире нет!

Хвала Земли

Есть праздники святые у народа:
День женщины,
Год Новый, Рождество,
Но День Победы –
Это песня, ода
И всех людей планеты торжество!

В нем – память, долг, достоинство и братство,
В нем – истинная храбрость тех людей,
Кто ради мира, ради дружбы, счастья
И жизни не щадил порой своей...
Хвала Героям разума и чести,
Защитникам родимого двора!
Что вам хула, насмешки, злые сплетни,
Когда за вами – всей Земли хвала!

Я тем и горд

Мы потеряли счет
Омытым кровью верстам.
Мы шли,
Зубами стиснув
Боль утрат.
И каждый помнил:
Одно лишь свято, просто,

Что он –
Советской родины солдат.
Из боя в бой,
По щебню и по пеплу,
Обойму за обоймой – в «пэпэша»...
И верой негасимой
В день победный
Горела каждая солдатская душа.
Я тем и горд
И тем я счастлив в жизни,
Что эту веру
До Победы я донес
И знамя алое родной Отчизны
Для мира в мире
Над землею поднялось!

Шаг до Победы

Апрель. И небо, небо, небо!
Весна. И жизнь кипит ключом.
А где-то рядышком Победа.
А с нею родина и дом.
Но как ее скорей приблизить,
Понять, что выжил, что живой,
В рывке последнем не унижить
Себя и путь свой боевой?
Как насладиться этим мигом,
Напиться мирной тишиной,
По-русски радостно и лихо
Сплясать под милую гармонь?
Так рассуждал солдат России,
Прошедший ратный, трудный путь,
В чужом краю, под небом синим,
А поутру – опять редут.
А поутру – начало мая.
А впереди заклятый враг...
Но знал солдат, в Берлин шагая,
Что до Победы – только шаг.

Не знать усталости

Нам рано думать о спокойной старости,
Не время отступать перед судьбой,
Наш ветеранский долг – не знать усталости:
Не наступил еще последний бой.
И пусть виски у нас покрыты инеем,
Спать не дают рубцы заживших ран,
Но мы горды своим почетным именем.
Крепись, мой друг, товарищ ветеран!

Николай Мирошниченко

Перед боем он читал стихи

В час затишья, в тихий вечер мая,
На краю деревни, у ольхи,
То разя, как гром, то затихая,
Паренёк читал свои стихи.

Слушал я – и ком катился к глотке –
Про друзей, потерянных в боях.
И солдаты, поснимав пилотки,
Слушали, дыханье затая.

Слушали, забыв про всё на свете,
Женщины, подростки, старики.
Слушали про то, как гибли дети,
Как горели травы у реки.

Он читал нам о друзьях-студентах
И про тяжесть пройденных дорог.
Только был взамен аплодисментов
Слышен чей-то плач и чей-то вздох.
А наутро парень после схватки,
Как во сне, с улыбкою лежал,
И в руке застывшей он тетрадку
Со стихами новыми держал.

Вдруг на сердце навалился камень.
Покачнувшись, я закрыл глаза.
И впервые в жизни, словно пламя,
Обожгла щеку мою слеза.

Хоронили парня всем отрядом
На краю деревни, у ольхи,
Где вчера бойцам под гром снарядов
Он читал в последний раз стихи.

Помню и теперь четверостишья,
Хоть с тех пор минуло много лет,
Что читал в короткое затишье
Перед боем воин и поэт.

У могилы солдата

На краю села, у большака,
Где солдат остался на века,
Плачут ивы и скорбят берёзы,
Вместо мамы проливая слёзы.
Я не знаю имени твоего, солдат,
Прихожу провести я тебя, как брат,
Прихожу я в будни, в праздники великие,
Как частицу сердца приношу гвоздики я.
На надгробный камень положу, не плача -
Пред тобою долг свой этим не оплатишь,
Постою, как водится, постою, скорбя...
Расскажу я сыну правду про тебя:
Как в годину тяжкую сквозь огонь и дым
Ты пришёл к бессмертию парнем молодым.
Ты сберёг березовый, с песнями Есенина
Край рассветов розовых многим поколениям.
И пускай метелицей пролетят года,
Будут внуки, верится, приходить сюда.
Будут, знаю, правнуки к этому солдату
На поклон и с правдою приходить, как к брату.
Если снова грянут вражеские силы,
Поклянется воин у его могилы.

Алексей Помазков

Преклоним колени

Я в День Победы позабыть стараюсь
Про годы и лишений, и невзгод,
Но памятью невольно возвращаюсь
В объятый горем 41-й год.

В тот год, когда нежданно, вероломно
Громадная фашистская орда
Невиданною силою огромной
Обрушилась на наши города.
Когда народ, захлёбываясь кровью,
Но дорожа свободой страны,
С боями отступал до Подмосковья,
Познав и смерть, и ужасы войны.
Но несмотря на страшные потери,
Мы выстояли в битве под Москвой,
Надрали хвост зарвавшемуся зверю
В тот самый первый наш победный бой.
А впереди бои за Севастополь,
Одессу, Керчь, и Харьков, и Ростов,
За Сталинград, и Курск, и за Европу –
Все перечислить не хватает слов.
Шли на войну отцы наши, и деды,
И юноши семнадцати годков.
В отрядах партизанских были дети
И в кадровых частях – сыны полков.
А сколько женщин, девушек узнали
И пережили тот кровавый ад!
Их подвиг в исторических скрижалях
Описан много лет тому назад.
Но и теперь то тут, то там находят
Останки воинов, а с ними ордена,
И с почестями заново хоронит
Героев благодарная страна.
И пусть не всех назвали поимённо
(Земля не сохранила всех имён),
Мы каждого из вновь захоронённых
Своим отцом и дедом назовём.
Пусть сами мы фашистов не лупили,
На нас, тогда трёхлетних пацанов,
Смертельный ужас танки наводили,
Мы помним рёв фашистских "мессеров".
За что они отняли наше детство?
Какая блажь затмила разум им?
Какое гибелью своей наследство
Детишкам уготовили своим?
Не мы пришли – они пришли на танках,
За ними только смерть и только прах.

С укором смотрит воин в Трептов-парке,
Со страхом – девочка спасённая в руках
С кого спросить? Народы зла не помнят.
Фашист давно с разбитой головой,
А вот следы кровавой, зверской бойни
Ещё не все позаросли травой.
Не меркнет память! Преклоним колени
Мы в этот день поистине святой
Перед погибшими, живыми, всеми теми,
Кто освящён той праведной войной.

Ты – навечно герой

В руки взял карандаш: не писать не могу.
Я в ответе за тех, кто упал на бегу,
Кто в семнадцать годков, жизнь безмерно любя,
Умирал на снегу за меня и тебя.

Вырос я без отца – миллионы таких,
Кто вошел в свою жизнь в годы бедствий лихих.
Самым страшным из них сорок первый был год,
Когда Гитлер напал на советский народ.

На колени упав, об ушедших скорбя,
Благодарность шепчу не жалевшим себя,
Что прошли через ад, жернова сатаны,
Своей кровью святой залив пламя войны.

Не померкнет в веках подвиг их неземной,
Не погаснет огонь на могилах святой.
Воевали отцы не за блеск орденов –
Защищали собой дочерей, и сынов,

Стариков, и старух, и любимых, и жён.
Кто к победе пришёл, ну а кто был сражён.
Но победа пришла – неизбежна она:
Нету войн без побед. Но нужна ли война?

Мама

Была война. Окончилась победой.
Страна ликует, празднует народ,
А наша мама с бабушкой и дедом
Опять «ушли» в сорок четвёртый год.
В тот год, когда угрюмым почтальоном
Пришло письмо «Ваш сын, Ваш муж, отец...»,
Упала мама. Колокольным звоном
Не заглушить отчаянье сердец.
Ревел и я, лишь сердцем понимая:
Беда опять нагрянула в наш дом.
Хотя кругом опять цветенье мая,
Бойцов народ на руки поднимает,
В сиротстве мы остались вчетвером.
Мы без отца. И только мама с нами.
Оправившись от горя как могла,
Работала и днями и ночами,
Ни капельки себя не берегла.
Покуда наши вырастали крылья,
Пока окрепли плечи детворы,
Старела мама. Только не забыли
Мы разнесчастной той её поры.
В расцвете лет покинутая счастьем,
Распятая проклятою войной,
Послевоенным голодонастьем,
Осталась нам любимой и родной.

Он был гвардии старший сержант

*Памяти отца моего Помазкова Ивана
Александровича, погибшего в августе
1944 года на Сандомирском плацдарме
посвящается*

Польша. Висла. Плацдарм Сандомирский.
До победы еще далеко.
Сдвинув шлем на затылок танкистский
И украдкой вздохнув глубоко,
Сидя в танке, механик-водитель
В ожиданьи команды «Вперед!»,

Ощущает, как мощный глушитель
Тишину по-над Вислою рвет.
Птицы смолкли, как перед грозою,
Им не в радость ни грохот, ни бой.
По реке катера бороздою
Устремились на берег другой.
Начинался не бой, а сражение,
Закипала вода в берегах.
Не загадывая о спасенье,
Шли с желаньем повергнуть врага.
Ужасающий вой над водою
Мессершмитов и штурмовиков,
Прикрывая друг друга собою,
Шли бойцы на окопы врагов.
Переправы в огне дни и ночи,
Вал за валом, победа иль смерть.
Подставляют бойцы свои плечи
Не желавшим в воде умереть.
Шли в атаку умевшие плавать,
Не умевшие — тоже «вперед!»...
А за Вислой стонала Варшава,
Испытавшая вражеский гнет.
Когда битва была в апогее,
Когда думать о смерти не смей,
Танк сражен был огнем батареи,
Не дожив до победы своей.
И погиб экипаж, а могилой
Стал ему изувеченный танк,
Командир, молодой и красивый,
Был по званию старший сержант.
Лишь чуть позже, считая потери,
Под салют возлагая венец,
Сообщили: погиб. Но не верю,
Что на Висле погиб мой отец.
Умирает надежда последней.
Навестил нашу мать лейтенант
И дополнил под записью прежней:
«Он был гвардии старший сержант».
Не осталось надежд и сомнений,
Трое суток без памяти мать...
Нам не надо побед и сражений,
Дайте жить нам, а не выживать.

Михаил Седогин

Памятник

Среди села, в березовой аллее,
Стоит солдат, пытливо глядя вдаль,
И под литой распахнутой шинелью
Пылает гордо на груди медаль.

Шумят поля, пшеница колосится,
И золотистый бьет за валом вал.
Как будто он березам поклониться
Сюда в места родные пришагал.

Окинул молча он село родное,
Вздохнул во всю свою стальную грудь.
Он не забыл минувших дней, былое,
И потому – ему далекий путь!

Пока еще плывут над миром тени,
Пока еще тревожно в том краю,
Солдат, стоящий в бронзовой шинели,
Всегда в живом останется строю.

Филипп Сухоруков

Дети славы

Глубокий шрам... Я сразу же узнал.
И своего волнения не скрою.
Высокий, поседевший генерал
Задумчиво проходит перед строем.

Как на портретах – близкие черты,
Исполненные мужества и долга.
Глаза полны отцовской доброты.
Он в лица наши смотрит долго-долго...

В тот миг вот так же сам стоял в строю,
Давал салют от имени Державы.
Он – слава, поседевшая в бою.
И мы в строю, мы – дети этой славы.

Тете

Легендарная моя тетя,
Незаметно стареете Вы.
Пропадаете на работе
В днях стерильной своей синевы.
И ночами, наверно, вам снится –
Что же может сниться еще? –
Городская эта больница,
Где работается хорошо.
Чтобы люди были здоровы,
Лишь об этом печетесь Вы,
Помогая лекарством и словом –
И уверен, что Вы правы.
Годы, годы... Ведь было когда-то:
Ни стерильности, ни тишины,
Под смертельным огнем медсанбаты,
Где лечили, спасали Вы...
Милосердная тетя, все же
Вам профессия в руки дана.
Здесь снаряды лес не корежат,
Здесь – больничная тишина.
Весны радостным цветом качаются,
Вы посмотрите из-под руки...
Что же нынче Вам, тетя, печалится?
- Да, уходят фронтовики...

С. Сарычев

Солдаты Победы

Звучит команда: «По вагонам!» -
Охрипший голос старшины.
Мы очень скоро будем дома,
Мы так устали от войны.
Какие нежности готовим
Для жен своих, и матерей,
И для друзей, и для знакомых,
И еще больше – для детей...

Ю. Уранов

Память

У дороги клена ствол,
Раненый снарядом,
Взвод в бессмертие ушел
С этим кленом рядом.
Та могила на бугре
С белыми ромашками,
- Нет! – кричит она войне
Голосами павших.

Ладонка

Жмыха кусок зажав в своей ладонке,
Я с жадностью съедал до крошки,
Собрав в щепотку, отправлял их в рот...
Далекий сорок первый год
Воскрес перед глазами...
Уже с седыми волосами,
Снова, как тогда, прильнув к окошку,
Я вижу со жмыхом мою ладонку.

М. Курасова

Таганрог –Береслав . 7 июля 1978 г.

109-ой гвардейской дивизии 58-ой армии посвящается

Так уж устроена жизнь на планете:
Невечно живем мы на этом свете.
Бессмертным лишь только то остается,
Что памятью сердца в людях зовется.

Годы уходят, десятилетия,
Полвека пройдет и даже столетия,
Но подвиг ваш ратный никто не забудет!
Светить поколениям он факелом будет!

Мы память о вас на века сохраним.
Детям и правнукам передадим!
О Береславской, Краснознаменной,
О целой дивизии и всех поименно!

О тех, кто в февральскую ночь в Лепетихе
К ребятам пришел изнуренным и тихим,
Вынесшим много горя и бед,
Осиротевшим в пять-десять лет.

О тех, кто свободу в подвал к нам принес,
Бескровных малышей к свету отнес.
Кого за отцов мы тогда признавали,
Чью нежную ласку так жадно хватали!

О тех, кто нам счастье и жизнь отстоял,
А в мирные годы наставником стал.
О Береславской, о сто девятой
Всегда будут помнить наши ребята!

Спасибо вам, воины наши родные,
Геройски погибшие и живые,
За то, что проклятый фашизм разгромили,
За то, что все вынесли и победили!

За мужество, храбрость, стойкость, отвагу,
За верность Отчизне
И верность присяге!

Освободители наши родные,
Памятью сердца нам дорогие!
Радостно, счастливо, долго живите,
Любовь и поклон от детдома примите.

Ю. Фетисов

На границах больших дорог
Нашей жизни лежит порог.
Мы не знали еще тогда,
Что уйдем навсегда,
Канем в вечную Лету лет,
Канем, падая в бездну бед.

Мы, войну сокрушая, шли –
Гимнастерки в крови, в пыли.
Только был батальон – и вот
Защищает рубеж лишь взвод,
Задыхаясь в свинце, в пыли,
Чтобы вы до Победы дошли.

Юрий Чичев

Баллада о недописанном письме

Я держу в руках письмо отца,
Выцветшее, со следами крови,
Не дописанное до конца –
Жизнь оборвалась на полуслове,
Некоторых слов не разобрать,
Но сквозь них я вижу, как сквозь даты,
Тот окоп на берегу Днепра
И отца - советского солдата.
Был отец таким, как я сейчас,
Даже, может быть, еще моложе,
Лишь морщинки ранние у глаз
Да суровый голос, непохожий.
Мой отец, как я, любил весну,
Раннюю, предутреннюю зорьку,
За меня, за маму, за страну
Стал солдатом, в руки взяв винтовку.
Он письмо свое не дописал –
Поднялись бойцы в атаку снова,
А когда простреленный упал,
Дописать успел всего два слова.
«Помни, сын...» - последние слова отца,
И уже к земле прижаты руки.
Точкой стал для них кусок свинца,
Продолженьем – сыновья и внуки. ...
В тех местах днепровских я бывал
И нашел там Братскую могилу,
Золотыми буквами слова
«Родина погибших не забыла».
Молча я давал отцу обет
Не искать своей душе покоя.
Подошел старик преклонных лет,
Поклонился он могиле в пояс.

Видно, издалече шел старик,
Запылились сапоги у деда,
Я к солдатским сапогам привык -
С ними по дорогам шла Победа.
«Диду, - я окликнул старика, -
Здесь из ваших кто-то похоронен?».
«Сыновья. Я шел издалека
Поклониться памяти героев».
Вот старик задумался на миг
И промолвил, глядя на меня:
«Вы в ответе за судьбу живых,
Пусть отцов заменят сыновья».
И ушел старик, а я стоял
И смотрел, как таял он вдали,
А потом с собой на память взял
С той могилы горсть сухой земли.
«Помни, сын...». Отец, я не забыл.
Память не сотрет предсмертных слов
И стоящих скорбно у могил
У сыновних белых стариков.
Память об отце всегда жива
И не меркнет в сердце с каждым годом,
За его последние слова
Я в большом долгу перед народом.
Не отдавайте память о войне...

Не отдавайте память о войне
Начавшим лгать о ней на переплавку.
Нет, не по совести (заказ идет извне)
Строчат они угодливую главку.
Солдатских сил почуяли исход –
Заводят о Победе злые речи.
Но памятью руководит народ –
Совсем не те, кто встал ему на плечи.
Пока мы живы - в шрамах и рубцах, –
Не троньте нашего о ней понятия
И не толкайте ко врагам в объятья:
На то согласия нет у нас в сердцах.
И на исходе нам достанет сил
Схватиться с тем, кто праздник гнет на тризну.
Пускай шипят: «Никто вас не просил
спасать Европу...». Мы спасли Отчизну.

Людмила Быкова

Санинструктор

Бесценен подвиг той девчонки на войне,
Которая и в зной, и в злую стужу
С полей сражений в яростном огне
Спасала для кого-то сына, мужа...
Сердечко надорвала на фронтах,
И будущую жизнь осколком в ней убило...
И рукопашный видится ей в снах,
И тот безусый лейтенант, что полюбила.
Давно уж минула военная пора,
В трудах, заботах незаметно жизнь прошла,
Лишь молодости память в ней нетленна,
Да жаль, что юность быстро отцвела...

Владимир Хрущев

Четвертый батальон

Другу-севастопольцу В. Кирсанову

Севастополь...
Горький дым осады.
Наседает смерть со всех сторон.
Таает наша флотская бригада.
В бой идет четвертый батальон.
Пулеметы косят разъяренно –
Трудно оторваться от земли.
Где же остальные батальоны?
Возле Инкермана полегли.
Мы идем – бойцы в морских тельняшках.
И «ура» по нервам немцев бьет.
Мы идем – бушлаты нараспашку.
Кто из нас до завтра доживет?
Нам дано погибнуть или прорваться ,
Разомкнуть железное кольцо.
Не хотят с винтовками расстаться
Руки умирающих бойцов...
И куда судьба теперь ни бросит,
Мне до гроба будет сниться сон:
Горсточка израненных матросов –
В бой идет четвертый батальон.

Победитель

Ушел к Херсону сраженья гул,
У берега группы фашистов,
Матрос по разбитым ступеням шагнул –
И вот она Графская пристань!
Пройдя сквозь кровавое пламя и дым
По горьким военным дорогам,
Моряк-севастополец стал у воды,
Как сын у родного порога,
Врагами истерзанный город-герой
Казался пустыней немою.
Но завтрашний день обгоняя мечтой,
Матрос уже видел иное:
Кварталы высоких нарядных домов,
Каких до войны не бывало,
Нарядных девчат, молодых моряков,
Огни кораблей у причала...
Стоял победитель от пыли седой,
Моряк в гимнастерке походной.
Весеннего неба шатер голубой
Простерся над бухтой свободной...
...Немало уж лет календарь пролистал,
Немало высот нами взято.
И стал Севастополь таким, как мечтал
Матрос на причале когда-то.

Братство

Помним грозный сорок первый,
Помним ветер штормовой,
И рассвет осенний, серый,
И бушлатов черный строй.
Уходили мы сражаться,
Покидая корабли.
Севастопольское братство
И в огне мы сберегли.
Нас враги атаковали,
Грохотал неравный бой.
Но одно мы повторяли:
- Севастополь – за спиной.
Значит, надо удержаться –

Отступить нам не дано...
Севастопольское братство
Нашей кровью скреплено.
Мы седыми стали рано,
Но судьбой своей горды.
Мы, матросы – ветераны
Севастопольской страды.
Не ржаветь, не рассыхаться
Нашей дружбе фронтовой:
Севастопольское братство
Крепче стали броневой!

Я снова вижу...

Смотреть я равнодушно не могу,
Когда закат алеет на снегу:
Я снова вижу сорок первый год,
В сугробе наш разбитый миномет,
Дымящейся воронки черный круг
И алый снег, кровавый снег вокруг,
И лица умирающих солдат...
Я снова с болью в сердце вспомнил тех,
Кто отдал жизнь, чтоб мирным стал закат,
Чтоб только он и красил нынче снег.

Голос ветеранов

Как День Победы нынче отмечают
Среди многопартийной суеты?
Все чаще нас поздравить забывают,
Все реже преподносят нам цветы.
Чего и ждать сегодня ветеранам,
Когда иные ставят нам вину,
Что мы спасли усатого тирана
И проиграли, выиграв войну,
Что после сбились вовсе мы с дороги, -
Так нас костят сегодня демагоги.
Еще пока цветы мы получаем
От тех, кто помнит подвиги солдат.
Но все ж другой такой страны не знаем,
Где так своих защитников хулят.
Хулят и нас, и тех, кто служит ныне, -
К погонам уваженья нет в помине.

Припомнить бы пора слова такие –
Кутузов произнес их в трудный год:
«Коль армия жива – живет Россия..».
На том стоит веками наш народ.
И кем бы демагоги нынче были,
Коль в сорок пятом мы б не победили?!

Катенька

Она была курносой, конопатенькой,
И все матросы звали ее Катенькой,
Хотя Скворцова, что ни говори,
Носила на петлицах «кубари».
А военфельдшер – это все же звание!
И проявляла Катенька старание,
Чтоб старше и серьезнее казаться.
А было ей в ту пору девятнадцать.
Когда она в траншее появлялась,
Братва к ней с комплиментами бросалась,
И мне на склоне лет признаться можно,
Что был влюблен я в Катю безнадежно.
В окопной нашей жизни, грязной, тяжелой,
Она казалось свежее ромашкой.
И Катеньку матросы, как могли,
От пуль и от осколков берегли.
А уберечь ее непросто было:
В атаку с нами Катенька ходила
И раненых, бывало, бинтовала
Под ливнем раскаленного металла.
Такой мне в душу Катенька запала.
...Теперь я ветераном стал типичным.
Мне по врачам ходить, увы, привычно,
Но сразу я хворобы забываю,
Лишь только в Севастополь приезжаю.
И снова вижу тех, с кем в Инкермане
Хлебнул я лиха в огненном капкане.
И вот мы собрались в начале мая,
Однополчан у бухты обнимая,
Согретый старой дружбы ярким светом,
Я вдруг увидел женщину с букетом.
Она была седой и конопатенькой –
Да это ведь Скворцова!

- Здравствуй, Катенька!
Она меня узнала:
- Ты, Володя?!
И я помолодел душою вроде.
Мечталось мне в грозу военных ночек
Поцеловать Катюшу хоть разочек...
Мечта сбылась:
Сестренку фронтовую
Я наконец-то с нежностью целую,
И я морщин ее не замечаю.
И вот стихи ей нынче посвящаю.

Прошли, отшумели годы,
Песком занесло траншеи.
Как вспомню бои, походы,
Так вижу опять Сергея.
В каком он краю – не знаю,
Чем занят – не знаю тоже,
Быть может, сады сажает
Иль строит дома Сережа –
Об этом гадать не буду.
Одно лишь всего вернее:
Солдат-фронтовик повсюду
Быть первым в труде сумеет.
А если друзья устанут
И если вздохнут украдкой,
Серега меха растянет –
И всех ободрит двухрядка.
И тот, кто душой слабоватый,
Вдруг силу в себе отыщет...
...Сергей, не узнал себя ты?
А ну отзовись, дружище!

Мы не знали

Золотил небеса веселый,
Самый ранний в году рассвет.
Шли мы с вечера выпускного,
Было нам по семнадцать лет.
От веселья устав немного,
Шли мы бойкой гурьбой друзей.
Как смешили девчат Серега,

Валька, Ванька и Алексей!
Небосвод был так мирно светел!
Так легка была тишина!..
Мы не знали в минуты эти,
Что уже началась война,
Что повестки военкомата
Не заставят нас долго ждать,
Что мы скоро уйдем в солдаты
И о каждом заплачет мать,
Что схороним друзей мы много
Ради жизни страны своей,
Что с войны не придут Серега,
Валька, Ванька и Алексей...
Время стерло следы бывшего,
Но такому забвенья нет:
Шли мы с вечера выпускного,
Было нам по семнадцать лет...

Пехота – все-таки пехота

Нам прощаться с морем было больно,
Но с горячей яростью в груди
Мы ушли на сушу добровольно,
Чтобы умереть иль победить.
Посвящают нам сегодня песни,
Знают все морской пехоты злость.
Только далеко не всем известно,
Как на суше трудно нам пришлось.
По-пластунски ползая до пота,
Быстро убедились мы с лихвой,
Что пехота – все-таки пехота,
Хоть и называется морской.
Враг проникся страхом к нашей силе.
Мы не знали слова «отступить»,
Но когда в походе грязь месили,
Вспоминали палубную гладь,
Вспоминали жизнь свою морскую.
Наших теплых кубриков уют.
Одолеть науку фронтовую –
До чего ж нелегкий это труд!
Но в крови, в огне мы овладели
Азбукой прикладов и штыков.

Наши краснофлотские шинели
«Черной смертью» стали для врагов.
А когда фашисты побежали
И пришла возмездия пора,
Нас, пропахших пылью, отозвали
На родные наши крейсера.
Мы победу встретили на флоте.
Но и нынче гордостью полны,
Что служили Родине в пехоте
В самый трудный, первый год войны.

Баллада о старом баркасе

Когда-то был молод рыбацкий баркас,
На волны бросался с отвагой.
Но годы прошли и пробил его час:
Отплавался старый бродяга.
Дряхлел на песке много дней и ночей,
Заброшенный всеми, ненужный, ничей.
Порой нарушался привычный покой:
Из ближней слободки ребята,
Забравшись в него шаловливой гурьбой,
Часами играли в пиратов.
Отсюда их матери гнали не раз...
Игрушкою стал для мальчишек баркас.
Под скалами солнца и днем не найти –
Борта отсырели изрядно.
А рядом, всего километрах в пяти,
Гудел Севастополь нарядно:
Гудками звенел, якорями гремел,
Матросские песни зазорные пел...
И не было, вроде, тревожных примет,
И море спокойно дремало.
Как вдруг захлебнулся июньский рассвет
Лавиной огня и металла.
И старенький, видевший виды баркас
Впервые услышал, как рвется фугас...
Стоял Севастополь могучей стеной,
Сражались матросы по-русски,
Но таяли силы. Надвинулся бой
На скалы у бухточки узкой.
Ракеты фонарь повисел и погас.

От ближнего взрыва качнулся баркас.
И кто-то во тьме стал надменно взывать:
- Матросы! Просите пощады!
И голос охрипший:
- Живьем нас не взять!
Напрасно стараетесь, гады!
И чей-то просоленный штормами бас:
- Братва, погляди!
Да ведь это баркас!
Затих автоматов назойливый стук, -
Утра дожидались фашисты.
Десятки матросских натруженных рук
Баркас в море сдвинули быстро.
Под килем вода заплескалась тотчас:
Вернулся в родную стихию баркас!
- Не выдай, старик! На плаву удержишь!..
На палубе флотский порядок,
Есть весла из досок, в баркасе нашлись,
И парус из двух плащ-палаток.
Есть флотский закал и матросская честь.
И Родине верность великая есть.
Обрывистый мыс исчезал за кормой.
Матросы глядели сурово:
- Прощай, Севастополь! Прощай, дорогой!
К тебе возвратимся мы снова...
Но некогда медлить, ведь в трюме-то течь
Пора черноморцам на весла налечь.
Тянулись часы. Наконец рассвело.
Денек занимался неласков.
Кровавое солнце над морем взошло.
Набрякли от крови повязки.
Метался на юте в бреду морячок –
Грудь пулей пробита, осколком – плечо.
От страшного зноя расплавился день.
Страданиям не было счета.
Вдруг в небе мелькнула зловещая тень,
Рассыпалась дробь пулеметов.
То «мессер» на утлое судно напал –
Над легкой добычей куражиться стал.
Все ниже носился стервятник – и зря:
Он здесь победителем не был.
Ударили с палубы два «дегтяря»,

Стволы устремившие в небо.
Фашистскую свастику дым заволок.
Подбитый стервятник рванул наутек.
Баркас превратился в корабль боевой.
Пусть старость, пусть ветхость – все к черту!
Баркас заливало все больше водой,
Волна подбиралась к фальшборту.
Промокли тельняшки и рук не поднять:
Непросто ведь касками воду черпать!
А раны без устали мучили их,
Привыкших со смертью бороться.
Прошло трое суток. Остались в живых
Всего только пять краснофлотцев...
Патрульный эсминец от смерти их спас,
Случайно наткнувшись на старый баркас...
И сам командир к ним по трапу сбежал
И руки морским пехотинцам пожал.
Борща притащил им взволнованный кок,
Компота им в кружки налили...
А старый баркас вдруг устало прилег,
Отплавав последние мили.
До звездного часа дожил старина.
Прими ветерана, морская волна!
На палубе было матросов полно.
Все, сняв бескозырки, молчали.
А старый баркас погружался на дно,
И чайки тревожно кричали.

А. Гончаров

Все для фронта

Снопы грузили в старые повозки,
В плуги впряглись вместо лошадей,
И дул горячий ветер волжский,
Сушивший землю и измученных людей.
Мы жили все дыханьем Сталинграда,
Горел восход привычным кумачом,
Мы понимали: фронту много надо
И отказать ему нельзя ни в чем!
Хотя порою было невтерпеж,
Мы цену золотому хлебу знали.
Жевали травы, хоть растили рожь,

Которую для фронта сберегали.
Все вынесли, все сдюжили, и хлебу
Мы низко кланяемся, до земли.
Спасибо доброте, стремлению к Победе, гневу,
Что выжить нам в лихие годы помогли!

В.Кожухарь

Над обелисками

Ива старая да пригожая,
С листьев падают летние росы...
На солдатскую мать похожая,
Распустила в печали косы.
Ветви тонкие зеленым шатром
Наклонились к земле низко-низко.
А внутри шатра в тишине-покое
Приютились два обелиска.
Листья ветры рвут и дожди секут...
Молит ивушка мать-природу.
Ветки длинные по земле метут,
Не пускают в шатер непогоду.
Или силы нечистые кружат? –
Все вокруг и гудит, и дрожит.
Или стонут солдатские души,
Что им мало так выпало жить?
Распогодится, глянет солнышко,
Тишина на поляне стоит...
И солдат своих ива-матушка
Зоревою росой напоит...

Луговские Н. и И.

Вечная боль

Июль... Жара... Сорок второй...
Осиротела переправа,
Покинув левый, вез паром
Старух, детей на берег правый.
Вдруг «мессершмиты» с трех сторон,
Я слышу гул их, вижу рядом, –
И закипел, забулькал Дон
От бомб, летящих с неба градом.

Снопы от взрывов на воде.
Пока нет попаданий точных,
И на канат паромщик-дед
Налег, напрягся что есть мочи.
Плач... Стоны... И уже беда
Огнем паром дощатый лижет.
До берега рукой подать,
А вот до смерти еще ближе.
Растаял дым... Смолк страшный гул,
А от парома – только щепки.
Я уцелел... на берегу
Лежал, с землей обнявшись цепко.
...Душа кричит... Глаза кричат...
Не знаю, что мне делать с этим:
Я часто вижу по ночам
Паром, а на пароме – дети.
Им руки с берега тяну...
...Еще чуть-чуть. Еще немного.
Но до сих пор они войну
Все переплыть никак не могут.

Венок памяти

Гасли звезды над Придоньем.
Ночь рассвет безмолвно плавил.
В роднике, в воде студеной
Котелок солдатский плавал.
День встречали песней птицы.
У села в разгар июля
Не успел солдат напиться -
Поспешила вражья пуля.

Пылал, кровоточил закат,
Как рана, забинтованная марлей,
Обнял всем телом степь солдат –
Не дождалась Ивана Марья.
В полынь-траве, средь чабреца
Лежать остался меж воронок...
Как сердце павшего бойца,
Над степью бился жаворонок.

Хотим в двадцатый век и в сотый век,
Чтобы в глазах планеты жизнь искрилась.
Хотим, чтоб повторялся человек,
Но только чтоб война не повторилась.
Пусть будет мир, пусть будет только мир!
Пусть земля не ведает лишений!
Планета – это не стрелковый тир,
А люди, люди – это не мишени.
Пусть навсегда войны исчезнет тень
И запах пороха и жженья.
Мы не позволим, чтоб победы день
Смог обернуться ночью пораженья.

Вешний день рождаться не хотел,
Медлил где-то там за перевалом.
Цепью шел отряд по пахоте
И, казалось, пашню засеивал он.
Сотни километров позади.
Люди от боев устали очень.
Солнце, будто автоматный диск,
Вывалилось из подсумка ночи.
Вдруг нежданно ворон-самолет
Закружил над целью низко-низко.
Сеял зерна смерти пулемет –
И в степи всходили обелиски.

Струи ливня словно лютня.
Струны трогал ветер.
Все никак не могут люди
Мирно жить на свете.
Не поделят землю, небо,
Села, реки, горы.
Все воюют из-за хлеба
Вот уж год который.
Все в войну играют,
Множат
Беды за бедою.
Доиграются, что может
Стать Земля вдовою.

Похоронка на отца

С ладной песней – павой рота
Там, где рожь обочь да клен,
Скрылась. Из-за поворота
Появился почтальон.
Он идет с кирзовой сумкой,
Опираясь на костыль.
К Дятловой зашел без стука:
- Здрасьте... Долго не гостил...
Самый первый дом на взгорке
У нее – белей берез,
Он от сына, от Егорки,
Треугольник ей принес,
Босиком плетусь и хнычу
По всему селу за ним.
Молвит дед мне басом зычным:
- Как напишут, отдадим!
- От кого хоть ждешь? - От батьки!
- Как фамилия? – Бобров.
Спину дед сильней сгорбатил,
Побледнел, нахмурил бровь.
Опадали листья с кленов
И кружились надо мной,
И от деда-почтальона
Я ни с чем ушел домой.
На душе вдруг загорчило,
Мать рыдала у крыльца:
Вместо писем получила
Похоронку на отца.

*Ольга Люлюмова,
студентка НШФ ЮФУ*

Мама ждет

Война прошла,
А слезы материнские остались.
Глядят из прошлого усталые глаза,
И губы шепчут о печали,
А по щекам бежит слеза.
И дума думается ночью

О тех, кто больше не придет.
И маме плохо, больно очень.
Но мама верит, мама ждет.
Кто запретит ей ждать и верить,
Что сын вернется, что живой,
Что дочка постучится в двери,
Заглянет на часок – другой...
Война прошла, и сорок пятый
Стал радостью для всей земли.
Но мама у дороги ждет солдата,
А в небе клином тают журавли.

В. Яковлев

Ищу однополчан

В день сбора, от других в сторонке,
В столичном парке ветеран
С надеждой поднял на картонке
Плакат «Ищу однополчан».
Сжег, разметал полки и взводы
Войны жестокий ураган,
А он несет, несет сквозь годы
Плакат «Ищу однополчан».

Неужто всех их нет на свете,
В какой они ушли туман?
Его была вчера в газете
Строка «Ищу однополчан».
А рядом друга друг встречает:
«Ну, здравствуй...» - «Здравствуй, капитан!»
А он все ждет. все поднимает
Плакат «Ищу однополчан».

Стоит у главного он входа
И ждет их, ждет их всей душой.
Стоит. И за четыре года
К нему никто не подошел.
Не отзываются. Молчанье...
Уж не поднимешь тех солдат.
Мы все теперь однополчане,
Но держит, держит он плакат.

Д. Чистяков

Однополчане

Над рекою солнце встало,
Осветив зарею небо,
И жужжат на ухо мушки,
То ли быль, а то ли небыль...
Подогнал ремни солдат,
Затянул потуже,
Видно, нам сегодня, брат,
Поздний будет ужин.
Молодой скривил усмешку:
«Полно, дед Панас, оставь,
Перебьем и днем мы немцев,
Главное – добраться вплавь».
Здесь ответ был по-иному –
Опытен боец и стар.
Отвечал он молодому:
«Доложи, блюдя Устав». –
«Фриц на левом берегу
Окопался прочно,
И форсировать реку
Нужно этой ночью».
На войне приказ – закон,
Тут не обсуждают,
А десантный батальон свое дело знает.
В ход идут и плащ-палатки, двери, доски, бурелом.
«Колоти плоты, ребятки!»
«А побьем мы их?» - «Побьем.
Куда ж денешься, голуба,
Мы ведь русские, сынок!»
И старик, сжимая губы,
Ладит с ветками мешок...
Страшный бой был, к черту речи!
Здесь словами не сказать.
Дед Панас в раю был встречен.
Батальон шел наступать
На Варшаву. «Кровь аж стыла... -
Вспоминали старики, -
Сколько нас, братишко, было!
Ты ослеп, я без руки!»

Но ведь дружба фронтовая
Не глядит, красив аль нет.
Воевали вместе, знаю, –
С Днем Победы тебя, дед!

Валерий Дацко

Давно закончилась война

Давно закончилась война,
Уходят молча ветераны.
Полвека счет ведет сполна
Все та же боль и ноют раны.

И снова будет пир горой,
И рядом все родные лица.
Вот только нет тебя со мной,
И наша жизнь не повторится.

От той поры пороховой,
От дыма, грохота пожарищ
Мы долго шли с тобой домой,
Мой старый верный друг, товарищ.
В себя мы верили сполна,
В Победу нашу, в дом дорогу.
Так выпьем чарку же до дна
За тех солдат, что ближе к Богу.

Галина Козельская

Баллада о ветеране войны

Золотопупову Ивану Александровичу посвящается

Родился он в простой семье горняцкой
В далеком хуторе Шахтенки, за рекой.
Обычный парень внешности славянской
Был просто Ваней. Шустренький такой.

Она пришла сама, без приглашенья,
Неся с собою груды мертвых тел –
Война! Какое там ученье?
Окончить школу Ваня не успел.

Бесхозным парень был в строю недолго
И, проявляя к делу интерес,
Попал в учебный штаб на Волгу
Радистом, прямо в сердце ВВС.

Фашисты подобрались очень близко,
Посеяв боль, смятение и страх.
И вот они уже в Новошахтинске,
Европа в оккупации тисках.

Работа на войне – работа без перчаток.
Война – на то она и есть война.
Девиз Ивана был предельно краток:
«Умри, но связью обеспечить сполна».

Он был глаза и уши экипажа
Машины боевой, парящей над землей.
В далёком детстве самолетик был бумажный,
Ну, а на фронте – настоящий, боевой.

Он воевал в Румынии, сражался в Польше
Но только в Вене боевой закончил путь.
Предполагал, что не придется больше
В объятьях мирной Родины уснуть.

Стонал от ненависти, кровь кипела в жилах,
И голос дребезжал до хрипоты.
Какое счастье! Все остались живы!
Задание одно: «Поддержка с высоты...!»

Искришь, Звезда, что на груди сияешь,
И гордостью наполнишь от того,
Что ты одна все про Ивана знаешь,
Все боевые подвиги его.

Окончив службу в армии, вернулся
В Шахтенки разорённые свои.
В работу с головою окунулся,
Продолжив славную традицию семьи.

Дерзал, горел, работы не боялся,
Всегда имея к делу интерес.

С любым заданием наш Иван справлялся
По направлению райкома или без...

Иван не хочет с возрастом мириться,
Хотя на пенсии уже давным-давно.
Пусть молодость его подольше длится,
И пусть войну он видит лишь в кино.

Ветеран

Весенний ветер. Листья всколыхнулись.
Давно утихла боль военных ран.
Ну, что молчишь, от солнышка прищурясь,
Один из тех, немногих, ветеран.

Мы всё спешим, и каждый чем-то занят,
И нам ли помнить Курскую дугу?
К тебе, старик, несправедлива память,
Лишь ты один у памяти в долгу.

Несут цветы, полотна и знамёна.
В разгаре пышноцветая весна.
Но всех ли помнят, всех ли поимённо,
И все ль на обелиске имена?

Давно нет повода для грусти и кручины.
Прошли дожди, и кончилась гроза.
Стекает струйкой по твоим морщинам
Стыдливо-скуповатая слеза.

До мелочей ты помнишь всё, как было –
Каскады горя вылиты до дна.
На то война: кому-то честь – могила,
Кому-то – боевые ордена.

Кому-то кажется, что повезло им больше,
Но даже, если грудь полна наград,
Для них не существует доли горше,
Чем помнить каждый день кромешный ад.

Давай с тобою помолчим немного,
Вдохнув прозрачный аромат весны.
Прости, старик, и не суди нас строго:
Ведь мы, как ты, не видели войны.

Сложив накрест морщинистые руки,
Стоит пред обелиском. На дороге
Нет никого. Затихли даже звуки,
Лишь ветеран – один. Из тех немногих.

Зоя Печенежская

В гостях у бабушки
(воспоминания детства)

Война стучалась в каждый дом и в каждом доме молились за жизни родных и близких, молились и верили в победу. Нас называют «дети войны»... На наши хрупкие детские плечи легло непосильное бремя взрослых забот. Мы недосыпали, недоедали, недоиграли... Но мы умели радоваться малому, и самое главное – мы умели ценить теплоту человеческих сердец, которой всегда были согреты.

...Война. Сибирь. Рудник в горах, поросших тайгой. Мы живём в длинном бараке, в комнате на три семьи. В других – и того гуще. Весной мама по выходным что-то распарывает, кроит, комбинирует и шьёт обновки мне и Нюре, внучке бабушки Анны Ильиничны Жуковой, у которой мы жили полгода, как только приехали из Донбасса. Жуковы живут в деревне, в двенадцати километрах от рудника. Из белой батистовой кофты получается две, с маленькими пышными рукавчиками, с круглыми воротничками, да ещё и с бантиками в виде двух лепестков. Из чего-то у неё получается и две юбочки, синенькие, сатиновые, да ещё и расклешенные. Нюре пять лет, мне восемь. Пока это шьётся и примеряется, мама приговаривает: «Вот пойдёшь к бабушке... Вот будешь у бабушки... Бабушка соскучилась...».

...Наконец, занятия в школе закончились. Каникулы! И мы с мамой утром отправляемся в деревню. Каменистая дорога бежит вверх-вниз меж высоких, тёмных от пихт гор. Внизу по камням и гранитным глыбам гремит речушка Черновая, она и впрямь кажется чёрной от нависших гранитных гор, деревьев. Мы опускаемся прямо к ней, пьём холодную вкусную воду, снова поднимаемся по дороге высоко в гору, и говорливая речка остаётся внизу. Ни впереди нас, ни позади, ни навстречу никого нет, только мы с мамой. Пихты тёмной стеной обступают дорогу, под ними ничего не растёт, только красноватая хвоя устилает землю, потому что кроны сомкнулись и под ними темнота. Солнце уже поднялось, прогоняя остатки утреннего тумана. Мы снова спускаемся к речке. Здесь пихтач расступился, давая место осинкам и берёзкам вперемежку с соснами, тут и трава, и первые цветы, летают красивые бабочки, над водой носятся стрекозы, щебечут птицы – глазу раздолье и сердцу благодать. Маму не радуют горы и тайга, хоть они и приютили нас, она тоскует по родному Донскому краю, всё вспоминает, как было там хорошо, когда не было войны. И мы всю дорогу

говорим, говорим о прежней жизни.

Вот и первые избы. Мы входим в деревню, щедро залитую весенним полуденным солнцем, другой конец её разметался уже в степи. Двор ко двору, лай собак, куры гребутся во дворах и на улице. На зелёной полянке между улицей и речкой ребятишки играют в лапту. Шумно, весело, без уроков, без домашних заданий, без школы и учителей! И утром никто не будит идти в школу: «Вставай, вставай, а то опоздаешь!» Каникулы!

Ноги у нас гудят от длинной дороги, но мы же идём к бабушке, которая нас очень ждёт, особенно меня. Я представляю её лицо, добрые глаза. Родной бабушки у меня не было, и папа и мама остались без родителей в раннем детстве и выросли сиротами то в семьях старших братьев и сестёр, то у чужих людей. Поэтому бабушка Ильинична, обрётённая в далёкой Сибири, чужая и до слёз родная, единственная и любимая.

У взрослых свои разговоры про войну, про фашистов, которые бомбят наши города и сёла, рвутся к Волге, про ребят, воюющих на фронте. Они то дадут весточку о себе, то надолго замолкают, а старые не спят ночами, думают, живы ли? Вот такие разговоры нерадостные...

Дедушка зажигает керосиновую лампу, возвращаются с поля невестки и забирают детей домой, а Маня остаётся у бабушки, она уже спит. Остаёмся мы с Нюркой одни. Нюра не хнычет, как было раньше, не канючит у бабы яичницу перед сном: «Баб, яи-и-чницу!», потому что сыта, – глядя, как все едят, она тоже не отставала. У неё праздник!

Мы забираемся с ней на полати, под самый потолок и укладываемся спать. Уснем не сразу. Нюрка знает, что будет ей сейчас сказка, как зимой, длинная-предлинная, до самого засыпания, про всякое мыслимое и немыслимое богатство и изобилие. На полатях полумрак. За занавеской горит лампа, фитиль прикручен, и в нос бьёт запах керосиновой гари, собравшейся вверху. Нюра укладывается поудобнее, подкладывает ладошку под щёку и устремляет на меня свои большие серые глаза. Ждёт. Внизу ещё решают хозяйственные дела, говорят вполголоса про колхоз, про бригадира, про покос, про виды на урожай.

– Вот пошли мы с тобой гулять в лес, – начинаю я. – Да-а-леко-о зашли. А там... стоит большой-пребольшой дворец! И никого. Кличем, кличем – никто не отзывается. Ничейный, значит. Заходим, а там много-много комнат. И тоже никого. Заходим в первую. А та-а-м конфеты! И на столе, и на лавках, и на полу, и по углам – везде! Мы с тобой поели, поели и в сумочку себе положили. Пошли дальше. Заходим во вторую. А та-а-м! Пряники, ну кругом, прямо кучами! Мы с тобой поели, поели и тоже в сумочку себе положили.

Как только мы «заходим» в новую комнату, Нюркины глаза расширяются от нетерпения узнать, что же будет в этой комнате. Мы едим, пьём и про запас набираем вкусоности в свою необъятную сумочку. Там уже

65-летию Великой Победы посвящается

сладости и фрукты, каких она не видела, куклы и платья. Чего там только нет!

– А та-а-м - халва!

– А какая она? – уже сонно спрашивает Нюра.

– Сладкая-пресладкая, вкусная-превкусная, – тихо поясняю я...

А сейчас война, и ничего этого нет, даже хлеба. Сейчас картошка с луком, солёными огурцами, молоком, оладьи и блины из тёртой картошки, муки чуть-чуть, крахмал предварительно вымыт, поэтому блины и оладьи синие и невкусные. И даже бабушкино лицо, когда она ложится с нами спать, чтобы мы не свалились с полатей, пахнет тоже тёртой картошкой.

Я не знаю, сколько дней живу у бабушки. Я её люблю, свою единственную, добрую и молчаливую бабушку. Она всё что-то делает, ходит по двору, на огород, в избу, в баню, к речке, и я следом за нею. Иногда что спрошу, она ответит, а больше молчит.

Четверо сыновей на фронте, четверо Тимофеичей, и даже Лёвушку, младшего, тоже забрали. А пятый, старший, сидит в тюрьме, или ещё где-то, потому что был священником. Десять лет отбывает. Писем нет. Письма с фронта идут редко. То один молчит, то другой. Бабушка переживает за них, долго молится перед образами и всё думает, думает... Ей не до меня, чужой девочки. Я жалею её и вечером пою ей песенку про проводы и сухие глаза. Бабушка утирает слёзы и гладит меня по голове...

Без вести пропавшему (песнь)

Он убит в бою... Он упал в траву...
Глянул в небо он на прощание,
И померкли глаза зоркие...
Землю кинуло и...засыпало.
Не стреляйте вы, орудия,
Не гудите, ветры буйные,
Не гремите, громы вешние, –
Дайте парню упокоится...
Ты расти, расти, берёзонька, –
От весёлой звонкой рощицы
Ты одна живой осталася.
Вырастай в большое дерево,
Заслоняй его от солнышка, –
Пусть он спит себе, покоится.
Как устала его душенька,
День и ночь переживаючи,

Как устали его ноженьки
Всю войну пешком вышагивать,
Как устали его рученьки,
Метко целясь, по врагам стрелять.
Утомилась головушка
Про всё думать да просчитывать –
В бою выстоять да с победою.
Он всё думал, всё надеялся:
«Вот побьём врага, врага лютого,
И вернусь я к своей Марьюшке,
К своим деточкам, что в родном краю».
Не вернуться ему к Марьюшке,
Не вернуться к своим деточкам, –
Будет здесь лежать в одиночестве.
Не придёт к нему поплакаться
Его милая, желанная,
Не придут друзья-товарищи
Помянуть его, посетовать –
Ни могилки нет, ни крестика.
Прилетай к нему, соловушка,
Не один лети – с подружкой,
Песню пой ему на зореньке –
Пусть душа его послушает.
Ты, берёзонька говорливая,
Расскажи ему о Марьюшке,
Как живёт она да мается,
Малых деток поднимаячи,
В горьких думах всё печалится:
«Как он, бедный, там под пулями,
Под бомбёжками, снарядами,
И в мороз, и в зной без укрытия...»
То ей кажется – в бою раненный,
На снегу лежит без движения;
То ей кажется – руки тянет к ней
И зовёт её, улыбается.
Всё ей кажется, всё ей видится –
Ни покоя ей, ни отдыха...
Ах, война, война проклятая,
Что ж ты жизнь нам всем искалечила?!
Ах ты, злой фашист, ненасытна тварь,
Что ж ты всех подмял, издеваешься,
На чужое всё так и заришься?

Ни людей не жаль, ничего не жаль,
Всё б ты пил да ел, не работая –
На тебя чтоб мы все горбатились.
Да и где тебе, толстокожему,
Знать о совести да о жалости?
Ради брюха ты ненасытного
Всех готов убить, всех стереть с земли.
Но не век тебе на моей земле
Всё губить, громить, силой тешиться!
Соберёмся мы – ты ж как вор напал! –
И гореть тебе в аду огненном –
Проклянёшь тот день, когда к нам пришёл,
Пропадёшь ты, гад, окочуришься!
Руки Марьюшки дела делают,
А головушка думу думает:
Кому весточка, к кому сам пришёл,
Сам пришёл живой, хоть израненный;
Кому – горькая похоронная,
Чтоб всю жизнь страдать да оплакивать.
Ничего ей нет, никого к ней нет...
Всё глядит она на дороженьку –
Не идёт ли там её Ванечка...

65 лет после войны

В девятый день красавца-мая
Народ на площади спешит.
Великий праздник отмечая,
Страна ликует и грустит.
Могилы братские в тюльпанах,
Несут гвоздики и венки.
Сожмётся сердце ветеранов,
Всплакнут, всё вспомнив, старики.
Ещё обиды не забыты,
Ещё болит, ещё щемит,
Ещё могилы не зарыты –
То там, то там солдат лежит...
Едва прикрытые землёю,
Забыты в грохоте войны,
Лежат, поросшие травой,
В земле защитники страны...
Того снарядом разметало,

Того убило наповал.
Земля прикрыла, как попало, -
Напишут: без вести пропал.
Тот рухнул с неба с самолётом
Среди чащоб, лесов и скал,
Ушёл всей тяжестью в болото, -
Напишут: без вести пропал.
А тех, в мороз окоченевших,
Погибших в яростном бою,
Спасть от смерти не успевших,
Бросали просто в колею...
Их батареями примяли,
Всех, без фамилий и имён.
Вот так «без вести» пропадали,
Не разбираясь, кто там «ОН».
Седьмой десяток лет проходит
С тех пор, как кончилась война,
А их находят и находят:
Останки, каски, ордена...
Не всех найдут – их миллионы,
Засеявших поля войны.
В лесах, болотах, рвах и склонах
Лежат, землёй погребены...
Давно закончилась война.
Но каждый год и целый год
Она идёт, идёт, идёт
И к нам врывается с экрана
То боем жутким, ураганным,
То смертью глупой и неожиданной,
И сердце давит, гложет, жжёт...
Забыли мы покой и благодать,
Ушла, как небыль, тишина,
И радость нам уже не в радость,
И всё война, война, война...
Не прекратится никогда
На нас негласная охота:
То сходят с рельсов поезда,
То рвутся в небе самолёты.
Вновь под прицелом мирный дом,
Театр, и школа, и больница.
И как-то верится с трудом,
Что этот ад не повторится.

Не знаешь, где рванёт опять,
Кого в заложники захватят,
В кого нацелились стрелять,
Где снова жизнями заплатят...
Мы победили в той войне,
Но вновь зловещее сверкает:
Фашизм ползёт по всей земле
И сеет смерть, и собирает.
И снова в бой! И снова в бой
Под пули, мины и гранаты,
И снова жертвуют собой
Родные мальчишки-солдаты.

Михаил Сорокин

Блокада

На окраинах где-то звучит канонада.
Двор похожий на узкое чрево колодца.
В стенах эхо подстреленной птицею бьётся,
Повторяя тревожно: «Блокада, блокада»...

Город славный, красивый войною загублен.
Под горою тряпья на кровати железной
Тень ребёнка, девчушки почти бестелесной.
Стул последний ещё на дрова не изрублен,
Сиротливо стоит, прислонившись к кровати.
А на стуле – помятая старая кружка,
Рядом с кружкою - чёрствая хлеба краюшка.
Дотянуться, наверное, сил уж не хватит.

Смотрит девочка вдаль сквозь промёрзшие стены:
Где-то там её папа с фашистами бьётся.
Он их всех победит. Он с победой вернётся
И с подарком для дочки, для девочки Лены.

Ветер носит по городу страшные слухи:
Папу осенью немцы в плену расстреляли.
Только Лене о том ничего не сказали.
Дотянуться б рукою до чёрной краюхи.

Жалко, нету бабуси: она заболела.
Мама утром на санки бабусюложила.

Мама утром бабусю в больницу тащила.
Жалко, нету бабуся: она бы согрела.

Ничего, ничего: скоро мама вернётся
И расскажет, что бабушке легче в больнице.
Над домами – железные чёрные птицы.
Вой сирены с простуженным ветром сольётся.

В драной шубке, в поношенной шапке – ушанке,
Труп холодный по городу женщина тянет.
Кроме Лены, она никого не обманет:
Не один точно также тащил уже санки.

Не вернётся бабуся домой из больницы.
Лене скажут когда-нибудь правду, конечно.
Разбегаются люди в тревоге поспешно:
Распластались над улицей чёрные птицы.

Вой сирены под взрывами бомб захлебнётся.
В драной шубке, в поношенной шапке-ушанке
На коленях в снегу, опираясь на санки,
Истерически женщина в небо смеётся.

Смолкнут взрывы и гул, птицы прочь унесутся.
Люди выползут в мёрзлые улиц тоннели
И в изъеденной взрывами мертвенной бели,
Молчаливо, зловеще в кружок соберутся.
Кто-то скажет: «Гляди-ка, как будто уснула,
Вон, чему-то во сне улыбается даже».
Шапка наземь скатилась и к страшной поклаже
Бездыханная женщина нежно прильнула.

Словно спит; улыбается в ворот шубейки,
Будто что-то хорошее вправду ей снится.
Русый волос с сединой по снегу струится,
Лишь под прядью засохли кровавые змейки...

На окраинах смолкла давно канонада.
В старом доме старушка всё смотрит сквозь стены.
В ней лишь память от выжившей девочки Лены.
Память бьётся в висках страшным словом «блокада».

Высотка

Лежит за бугорком солдат.
Из дота фриц прицельно строчит.
«Вперёд! – скомандовал комбат. –
Приказ: высотку взять до ночи».

«Вперёд!» - и всё пошли вперёд.
«Ура!» во взрывах потонуло.
Прицельно бьёт проклятый дот,
Дымит, свинцом рыгает дуло,

Словно упившись крови тех,
Чью грудь в прицел оно поймало.
Вперёд! За Родину! За всех,
Кто вечно жив, кого не стало.

Кого не стало... Все лежат.
Блиндаж командный взрывом срыло.
Не взял высотку ты, комбат,
Блиндаж теперь – твоя могила.

Напрасно трубку рвёт комдив,
Чтобы сказать: «Всё не напрасно:
Ушла дивизия в прорыв.
Вы отвлекли врага – и баста!

Отбой». Но некому уже.
«Звезда! Как слышите Зарницу?» –
Лишь эхом в трубке и в душе.
Сползла слезинка на петлицу.

«Врёшь, не возьмёшь, фашистский гад!» –
Лишь можно разобрать из стога.
Ползёт настойчиво солдат –
Остаток жалкий батальона.

В стволе заклинило патрон,
Граната в пальцах посиневших.
Зубовный скрежет. Мат сквозь стон.
И боль в глазницах запотевших

Дрожащей, гневной слезой.
А в животе горит осколок –

И след кровавой полосой...
А в доте? Ящики все с полок!

Патронов в доте больше нет,
Всего на очередь осталось!
Длиннее всё кровавый след –
До цели остаётся малость.

Запихивая внутрь кишки,
Он с криком встал. Летит граната.
Легли кровавые стежки,
Как ордена на грудь солдата.

«Достал!» - подумалось. Ба-бах!!! –
«Ну, вот и всё, и нету дота!».
Он пал с улыбкой на губах
Лицом туда, где шла пехота

В прорыв, на Запад, на Берлин
От стен Москвы и Сталинграда.
Он брал высоту не один,
И все лежат... Так было надо

Для всех: для близких и родных,
Для нас, забывших всё в рутине,
Так было надо и для них,
Плюющих ныне на святыни.

Надежда

Это было давно уж, конечно:
Где-то там, далеко, до войны,
Жили Вера, Любовь и Надежда –
Три сестры, так чисты и ясны,
Словно ясное небо весною,
Словно чистый звенящий ручей.
Восторгаясь отчизной родною,
Вера верила в пылкость речей.

Люба ласково всем улыбалась,
А Надежда, смущаясь слегка,
Всё на старших сестер любовалась.
Было всё безмятежным пока.

Вера верила в пылкие речи
И в героев гражданской войны,
Но не знала, что речи калечат.
Что-то зрело во чреве страны.

Что-то в небе уже собиралось.
Враг не дремлет! – всегда было так.
Но когда это что-то порвалось...
Как поверить, что Блюхер был враг?

Как поверить, что враг Тухачевский?
Вера дрогнула: верить невмочь.
И когда тень упала на Невский,
Черный ворон умчал Веру в ночь.

Дни тянулись, тоскливы и серы.
Ночь рождала в безверии страх.
Где ж ты, Верочка?! Нет больше Веры.
Вера сгинула в лагерях.

Дни тянулись. Не лечит пусть время,
Пусть не лечит, но жизнь-то идет.
В ней любви пробивается семя
И весенней сиренью цветет.

Так и с Любой, конечно случилось.
Юность вечно не вправе скорбеть.
Голова в ритме вальса кружилась,
Сердцу в небо хотелось лететь.

Паренёк в ладной форме матросской
То смущался, то важно курил.
Но дрожала рука с папироской,
Когда в общем неважно острил.

И без слов им всё было понятно –
Что слова, когда взгляды горят,
А молчанье – так ждуще приятно?
Лишь сердца в тишине говорят.

«Тук-тук-тук», - сердце девичье билось
И парнишкино билось: «Тук-тук».
Голова всё сильнее кружилась
От касанья случайного рук.

Незаметно весна пролетела,
И июнь подходил уж к концу...
Не созрела любовь. Не допела...
Лишь катилась слеза по лицу:

В ночь июньскую, двадцать второго,
Разлучила влюблённых война.
Дни тянулись, поблёкшие снова.
В страхе ночь убегала от сна.

Дни тянулись. Уже похоронки
Вороньём полетели им вслед.
За парнями недели девчонки
Гимнастёрки на юности цвет.

Год прошёл – и парнишки не стало.
Над кормой где-то катит волна.
Только Люба о том не узнала -
На допросах в гестапо она.

Так блаженно врагам улыбалась,
Вспоминая о парне своём,
Что казалось: она издевалась
Или тронулась просто умом.

Да фашисты недолго гадали,
Затолкали двенадцать девчат
В крытый кузов, машину погнали
К тихой балке, где клёны шумят.

Выстрел грянул... и кто ж теперь скажет,
Где любовь и была ли она
Любка. Любонька! Люба!! Любаша!!!
Нет любви – растоптала война.

Так осталась одна, сиротою
Наша Надя семнадцати лет.
Распрощалась с квартирой пустою,
Лишь взяла комсомольский билет.

Все жалели девчонку. Не надо!
Да, не надо надежду жалеть!
С нею мы прорывались из ада
Той войны, чья свинцовая плеть

Нас калечила под Сталинградом,
Подо Ржевом и Вязьмой – везде,
Где пройдут наши дети парадом,
Там, где склонятся внуки к звезде.

Это с ней шли в атаку шатаясь,
Выживали в госпиталях
И, калеками возвращаясь,
Шли за плугом в бескрайних полях.

Это наша Надежда тушила
Зажигалки на крышах домов
Ленинграда и ватники шила,
Врачевала нестойкость умов,

Потерявших любовь, как и веру,
И питавших лишь злобу и страх,
Живших болью и пивших не в меру,
Предрекавших паденье и крах

Всех систем и понятий о долге.
Лишь с надеждой сквозь ад мы прошли,
Что от самого берега Волги
Полосой обожженной земли

Простирался на Запад, к Берлину.
Только с ней мы смогли победить,
Не за страх, не служа властелину, -
Чтобы жизнь в этом мире продлить.

Что с Надеждою нашею стало?
Всё стерпела и превозмогла.
Замуж вышла, детей нарожала,
Как сестёр дочерей назвала.

Тянут девочки к матери ручки.
Где любовь? Где же вера? – Да тут.
А когда свет увидят и внучки,
Их в честь бабушки назовут.

Подвиг Наденьки мир не забудет.
Он живёт в поколениях детей.
Вечны Вера, Любовь, если будет
Жить Надежда средь мира людей!

Весенний вальс

Вальс той победной весной
Мы танцуем с тобой на дворе медсанбата.
Вальс, опалённый войной,
Но завидуют нам с костылями ребята.
Как шли к нему тяжело
По дорогам войны офицеры, солдаты.
Да, нам не всем повезло,
Но смертям всем назло, мы кружим на закате.

Милые, милые мальчики,
Сколько назад уже нам не дожждаться,
Но в душе будете жить, в душе,
И вечно юными там оставаться.

Вальс после долгой войны
Мы танцуем с тобой всем на зависть девчатам.
Вальс средь цветущей весны,
Как тогда, до войны, в алом свете заката.
Вальс, но сквозь слёзы и смех
Чья-то плачет любовь у весны на пороге.
Вальс, он, увы, не для всех –
На дорогах войны мы оставили многих.
Девочки, милые девочки,
С нами делили вы боль и страданья,
Ждали вы нас и любили вы,
В сны приходили вы к нам на свиданья.

Вальс мы танцуем с тобой,
Этой новой весной кружим мы, как когда-то.
Вальс, ты как прежде со мной,
Но вокруг нас давно молодые ребята.

Милые мальчики, девочки,
Сколько вас радостно в вальсе несётся.
Каждому в этот цветущий май
Пусть обязательно пара найдётся.

ПАМЯТЬ

В этот памятный день, когда знамя Победы
Над горящим рейхстагом взошло, как заря,
Под раскаты «ура!» наши плакали деды,
Понимая теперь, что всё было не зря.

Нет, не зря они шли в пасть грохочущей смерти
В закопчённых снегах той зимой под Москвой.
Кто-то верно сказал, что в России, поверьте,
Нет семьи, где б не памятен был свой герой.

Эта память живёт в сини глаз лейтенанта
Искрой сбитого «Яка», что шёл на таран.
Эта память кричит страшным криком сержанта,
Что лишился ноги, но не умер от ран.

Эта память дрожит, как слезинка старушки,
Что простой медсестрой в Сталинградском аду
Выносила бойцов от расстрелянной пушки
С пульей в правом плече у врага на виду.

В этот памятный день, когда знамя Победы
Вновь выносят на площадь под стены Кремля,
Плачут снова в строю победители-деды,
И не может не плакать вся наша земля.

Та земля, что рвалась под ногами, горела
И звала их к себе, принимая в себя –
Под звездой легло чьё-то юное тело,
Только память живёт, о погибших скорбя.

Эта память жива и сегодня в солдатах,
Охраняющих мирные детские сны.
Эта память жива и в безусых ребятах,
Напевающих песни далёкой войны.

Эта память жива! И ночами во мраке
Где-то слышатся стоны и крики «вперёд!» –
Это память бойцов снова ходит в атаки,
На защиту покоя и мира встаёт.

Рукавички
(поэма)

-1-

Осень. Грязь и слякоть. Сорок пятый.
Городок, изрубленный войной.
Старичок седой, подслеповатый
Смотрит, как отряд ведёт конвой.
Грязные, затёртые мундиры,
Взгляды исподлобья... Немчура.
Ёжятся на сырость конвоиры,
Сонные и хмурые с утра.
– Вы, сынки, ведёте их куда же? –
Тронул за рукав солдата дед.
– Я и сам не знаю точно даже, –
Бросил на ходу солдат в ответ. –
Вроде, будет лагерь. Будут, вроде,
Помогать завалы разбирать
Или, что ль, работать на заводе –
Точно не могу, отец, сказать.
Старичок кивнул и взгляд потупил:
– Что ж, оно и надо, может, так.
Выпятил губу и бровь насупил,
Задрожал напрягшийся желвак.

-2-

Холодало. Первые морозы
Сковывали лужи поутру.
Рукавом тайком стирая слёзы,
Каждый день и в дождь, и на ветру
Дед стоял, смотрел на пленных, мерно
Разбавивших городской квартал.
Всё у них спокойно, чинно, верно:
За завалом чистится завал;
Всё с умом, без ругани и брани;
Где-то даже слышен робкий смех...
Немчура... Чумазые, все в рвани,
Очень не похожие на тех
В сорок первом – бравых, сытых, пьяных.
Видели б себя тогда они
В сбитых сапогах, в шинельках драных,
Может быть, и не было б войны?

Как-то капитан спросил у деда:
– Что, отец, ты ходишь каждый день?
Долго слышно не было ответа,
Залегла в глазах у деда тень.
Наконец, он молвил через силу:
– Было двое, двое сыновей.
Где они в войну нашли могилу,
Средь каких лесов или полей,
Кто теперь мне скажет? Может эти?
Было двое внуков у меня.
Пареньки. Да что там – просто дети!
Сиротой остался за полдня.
В городе подполье выявляли,
Брали семьи тех, кто воевал.
Каждый час по десять душ стреляли.
К вечеру подполье кто-то сдал,
Только было поздно: до обеда
Из семьи остался только я.
Слышу до сих пор: «Прощайте, деда!»
Ихний пёс – теперь моя семья.
Дед умолк, слезою поперхнувшись,
Рукавом лицо стал обтирать,
Засопел, в сторонку отвернувшись:
– Я, сынок, теперь хочу понять:
Люди эти немцы, аль не люди?
– Да чего ж, отец, теперь судить?
То была война. Ну, будет, будет,
Дальше надо как-то с этим жить.
Отмахнулся дед в сердцах рукою:
– Я своё теперь уже отжил.
И ушёл с поникшей головою.
И потом уже не приходил.

-3-

Шёл ноябрь. Страна не доедала.
Но жила, работала она.
Мысль одна народ весь согревала:
Кончилась ужасная война.
Пленные со всей страной делили
Скудный и тяжелый хлеб её,
Опускались в шахты, лес валили,
Строили заводы и жильё.

Как и все, они не досыпали,
Как у всех – работа на износ,
Так же, как и все, недоедали
До припадков, до голодных слёз.
Так же, как и все... Как те, которых
Шли сюда калечить, убивать...
Всё решат потомки в книжных спорах,
Но бесспорно – нужно выживать!
В лагере, у стеночки барака
Юный немец – бывший рядовой –
Плакал, подвывая, как собака,
Тыкаясь о стену головой.
Русский капитан остановился,
Поднял сопляка за воротник:
– Ты, пацан, чего это? Взбесился?
Бритой головою тот поник
И, язык коверкая безбожно,
Прошептал немецкий паренёк:
– Кушать, офицер, терпеть не можно,
Очень мало-мало нам паёк.
– Мало, говоришь? Иди за мною.
Затолкал в каптёрку, усадил,
Осторожно дверь прикрыл спиною,
Сел напротив, тумбочку открыл,
Выставил на стол полмиски каши,
Рядом положил сухарь ржаной.
– Мало, говоришь, еды вам нашей?
Уж-то не наелись вы войной?
Уж-то не наелись вы Европой?
Мало было, да? Припёрлись к нам! –
И уже помягче:
– Лопай, лопай,
Плакал я от голода и сам.
Вынул из кармана папиросы,
Закурил и сипло кашлянул.
Немчик ел, роняя в миску слёзы.
Капитан внимательно взглянул:
«Мать честна! Совсем ещё салага,
Вот те, нате, здрасьте – детский сад.
Глист в мешке шинели, доходяга –
Вермахта великого солдат!»
– Родом я, пацан, из Ленинграда –

Город на Неве. Поди, слышал?
Слышал слово русское «блокада»?
Плакал я от голода, рыдал.
Мало, говоришь? Вот этим малым
Сколько бы детей тогда спаслось?
Мать тебя, поди, кормила салом.
Что ж тебе не елось, не пилося?
Паренёк ответил тихо-тихо:
– Мама – нихт. Английский бомба. Бах...
– Да, война отсыпала всем лиха
До оскомы горькой на зубах.
Ну, а то, что мало, ну так что же,
Посмотри, как весь народ живёт –
Все едят и столько же, и то же,
Что и вы, и наш конвойный взвод, –
Молвил капитан. – Ну, ладно, будет.
Порубал? Давай бегом в барак. –
Про себя шепнул:
– Бог нас рассудит,
Если есть он. Так-то вот. Вот так.
Капитан закрыл глаза рукою.
Вспомнились жена, и мать, и сын.
Грудь распёрло смертною тоскою,
Всплыло в голове: «Один, один!»
Всех прибрала страшная блокада,
Будто зимним ветром унесло.
Сердце в стылых стенах Ленинграда
Лопнуло, как мёрзлое стекло.
«Люди эти немцы, аль не люди?» –
Вспомнился седой тщедушный дед.
Что гадать? Пускай нас Бог рассудит,
Если есть. А если Бога нет?
Что же, и без Бога мы – не звери,
Чтоб рычать, кусать иль просто выть.
Надо жить и надо просто верить
В то, что, наконец-то, надо жить.

-4-

Как-то утром, чуть после развода,
Капитан сержанта подозвал:
– Трёх бойцов бери, сержант, из взвода, –
Тихо капитан ему сказал. –

Каждый день бери по десять пленных,
На поля за городом води.
Каждый день бери конвойных сменных.
Понял всё?
– Так точно.
– Ну, иди.
Почитай ноябрь весь копались
В мёрзлом поле. Греясь у костра,
Грустно, виновато улыбались
Конвоирам фрицы. Немчура.
Рады мёрзлой свёкле и картошке,
Тянут шеи, глядя в котелок,
Достают тихонько свои ложки,
Поплотней сбиваются в кружок...
«Люди эти немцы, аль не люди?» –
Вспомнился сержанту старый дед. –
Вряд ли дед когда-то всё забудет.
А простит ли? Вряд ли. Этот нет, –
Думал он, поглядывая хмуро. –
Вроде сам убил бы их вчера,
А сегодня – русская натура –
С укоризной только – немчура...
В котелке, видать, уже готово,
Только немцы что-то не едят,
Что-то там пошепчутся и снова
На солдат в сомненье бросят взгляд.
Снова зашептали, закивали,
Всё с оглядкой, будто что-то врут.
Видно сговорились. Повставали...
Вона – котелок с картошкой прут». –
Гер сержант, картошка, кушать, бите, –
И глядят просительно в глаза.
«Что тут скажешь? Вот ведь «бите-дритте».
Эх, ты немец – перец, колбаса».

-5-

Ближе к декабрю, снежком несмелым
Небо просыпалось на поля.
Рваным покрывалом грязно-белым
Укрывалась мёрзлая земля.
Как-то в лагерь строем возвращались,
Шёл в строю и немчик молодой.

По дороге с дедом повстречались –
Вышел дед из дома за водой.
Дед, увидев их, остановился,
Полное ведро поставил в снег,
В лица проходивших взглядом впился.
Выдержать не смог бы человек
Этот взгляд, горящий вечным горем,
Мукою пронзающий насквозь,
Топящий бездонной боли морем,
Жгущий дрожью влаги горьких слёз.
Проходили молча, отвернувшись,
Чувствуя мурашки по спине.
Лишь сержант кивнул и вдруг, споткнувшись,
Вспомнил всё, как было на войне.
«Люди эти немцы, аль не люди?» –
Вспомнилось опять. Ну, как тут быть?
Вряд ли кто-то что-нибудь забудет.
Лишь одно спасает: надо жить.
Рядовой, салага из Казани,
На ходу спросил: - Кто ж этот дед?
Глянет – прошибает пот, как в бане.
Но сержант махнул рукой в ответ.
Только погода немного, всё же
Рассказал, что сам о деде знал.
Рядом шедший немчик слышал тоже –
Этой ночью он совсем не спал.
Вспомнит маму – зарыдает тихо,
Вспомнит капитана – засопит.
«Да, война отсыпала всем лиха»...
Смежит веки – дед над ним стоит.
Взгляд тяжёлый, будто вопрошает:
«Люди эти немцы, али нет?»
Но ответа слышать не желает,
Да и что сказать ему в ответ?
Не найти на этот взгляд ответа,
А найдётся если, не спасёт.
Этот, если повстречает где-то,
То наверняка уже – убьёт.

-6-

С декабря морозы подступили.
Пленных не вели уж на поля,

Да и на работу не водили –
Не давалась мёрзлая земля.
Отлетали прочь кирки со звоном,
Слёзы замерзали на ветру,
По ночам в бараке закопченном
Промерзали стены. Поутру,
Иногда кого-то выносили,
То в медчасть, а то и на погост.
Из последних сил могилы рыли,
Но не как обычно – в полный рост –
Так, чтобы присыпать хоть немного.
В Новый год завьюжила метель,
Скрылась под сугробами дорога,
Закружилась снега карусель.
Не в новинку для зимы ненастье.
Так, бывало, заметёт пути,
Что машин колонна из продчасти
Вовремя не сможет подойти.
И тогда запасы подъедали.
Скудный и без этого паёк
Сразу вполовину урезали.
Как-то шёл немецкий паренёк
С группой пленных – санною дорогой
Из лесу везли они дрова.
Весь дрожа, в шинелишке убогой,
Скрюченные пальцы в рукава
Прятал и от голода шатался.
Встретилась им тётка на пути.
Глядя, как парнишка спотыкался,
Молвила сержанту: – Подожди! –
Убежала в дом, назад вернулась,
Вынесла в платке пяток яиц,
На сержанта робко обернулась,
Рукавом смахнув слезу с ресниц:
– Можно, что ль? Поди, ведь голодают.
– А-а-а, валяй, – махнул сержант рукой. –
Сами, чем детей кормить, не знают,
А туда ж... Что за народ такой?
Тётка парню сунула яички:
– Подожди-ка, на вот, надевай,
От сынка остались рукавички –
На дворе, поди не месяц май.

Немчик шёл, подарок прижимая
К сердцу, замиравшему в груди.
«Что же за страна это такая?» –
Думалось.
– Вот, дурень! Обожди, –
Поправляя на плече винтовку,
Пряча повлажневшие глаза,
Говорил сержант:
– Надень обновку.
Эх ты, немец – перец, колбаса...

-7-

Так вот и пошло. Уж без конвоя
Немцы шли, стучались по домам
И топтались, на пороге стоя:
Боязно – не дали б по зубам.
По зубам, конечно, не давали,
Разве кое-где захлопнут дверь,
Ну, а в основном, сперва вздыхали,
А потом – ведь человек не зверь –
Где краюха хлеба, пшёнки малость,
Где картохи им перепадёт...
Ведь не звери ж люди: в людях – жалость,
Состраданьем человек живёт.
Где-то тазик старый отыскали,
Стали с ним ходить под Рождество,
На углу мальчишки к ним пристали.
Что им глупым? Только баловство.
– Гляньте, гляньте – фрицы колядуют! –
И снежки бросают, и свистят.
– Разве ж можно? Люди голодуют, –
Цыкнула старушка на ребят.
А они своё: знай веселятся,
Им, героям, бабка – не указ,
Им бы покричать, да покривляться,
Да попасть снежком фашисту в глаз.
Так завоевались чертенята,
Что, не видя ничего вокруг,
Сбили одноногого солдата.
Замерли, в глазах дрожит испуг:
– Дяденька, простите, извините. –
Стали из сугроба поднимать.

– Что же вы, негодники, творите?
 С пленными решили воевать?
 Разве так мужчины поступают?
 Хватит. Всё. Окончена война.
 Звери даже жалость понимают.
 Засопели оба пацана.
 Непонятно им, но всё же, стыдно –
 Пыл бойцовский сразу в них поник.
 Хоть и непонятно, вправду видно
 Дядька прав: ведь он же – фронтовик.
 Стукнул костылём солдат безногий:
 – Марш домой, тудыть вас, растудыть!
 Прыснули ребята по дороге,
 Долго не могли ещё забыть.
 Инвалид сигаркой затянулся,
 Глянул уходящим немцам вслед,
 Глянул на культу... В сердцах ругнулся:
 – Жалость – есть... Ноги вот только нет.

-8-

В тот же вечер немцы возвращались
 В лагерь. Молодой чуть-чуть отстал.
 Шутка ль: третий час уже шатались –
 От ходьбы порядком он устал.
 Остальным сказал он:
 – Вы не ждите,
 Я вас догоню чуть погодя.
 Отдышусь пока, а вы идите.
 Покивали немцы, уходя.
 Всё вокруг застыло без движенья,
 Кружатся снежинки в тишине.
 Дивное, чудесное круженье,
 Как в далёком, сладком, детском сне.
 Кажется, из снега выступает
 Старый дом. На третьем этаже
 В нём окно призывно так мерцает,
 Что скребутся кошки на душе.
 Женщина в домашнем сером платье,
 С доброю улыбкой тонких губ,
 Раскрывает мальчику объятия.
 На столе парит горячий суп,
 Жир переливает перламутром,

Шкварки в нём плывут, как островки.
А потом, чудесным ярким утром,
Генрих учит первые стишки.
Пахнет гусем, пирогом и ёлкой,
А на кухне чудо – ананас.
Значит точно: в тумбочке, за полкой
Спрятаны от жадных детских глаз
Вкусные, чудесные конфеты –
Вечером их Генриху дадут,
А пока – противные котлеты
За столом под нос ему суют.
Рождество – какое это чудо!
Вильгельмштрассе, милый старый дом.
В мире всё хорошее – оттуда,
А потом?... Что было-то потом?
Всё тревожней сон и всё мрачнее:
Сборища какие-то в пивных,
В подворотне старого еврея
Палкой бьют, дают ногой под дых.
А потом: колонны шаг чеканят,
Над Рейхстагом – крючковатый крест.
«Нация германская воспрянет!» –
Слышен из динамиков окрест
Голос новоявленного бога.
Богу верят и за ним идут.
Только жутковато всем немного,
Даже если за победу пьют.
Под ногой лежит уже полсвета...
Первые налёты на Берлин...
Лопнул сон... И дома больше нету,
Нет и мамы... Генрих, ты – один!
Дальше нету снов – одни кошмары:
Ранец и винтовка, сапоги,
Кровь на них, руины и пожары,
Если хочешь жить, вперёд беги!
Смерти призрак в чёрной форме сзади,
В стельку пьяный, гладит пулемёт,
Безразличье лишь в небесном взгляде.
Если хочешь жить, беги вперёд,
Если хочешь жить, то лезь под пули!
Вырвался из тела чей-то крик
И... повис на пулемётном дуле...

На лице у бога – нервный тик.
Нет давно уж снов – одни кошмары:
Свист, разрыв, туман и... темнота,
Свет под потолком вагона, нары.
Больше нету в мире ни черта,
Только снега тихое круженье
Да урчанье в животе пустом.
«Жизнь промчалась, как одно мгновенье», –
Так сидел и думал под кустом
Бедный мальчик родом из Берлина.
Стыли руки. Ёкнуло в груди:
«Женщина ведь та лишилась сына
И так просто, встретив на пути,
Может всё, что от него осталось,
Отдала вчерашнему врагу.
Как бесценна эта её жалость –
Я её до смерти сберегу».
Вынул рукавички из кармана,
До сих пор он их надеть не смел:
«Умирать обидно с этим рано», –
Так подумал он и их надел.
Руки вроде стали согреваться,
Только встать вот он уже не мог –
Ноги не желали разгибаться.
Рано умирать, но судит Бог.
Видно, час пришёл – и он смирился,
На колени голову склонил.
Снег на плечи саваном ложился.
Слухом что-то рядом уловил.
Может смерть неспешно приближалась,
Всё сужая свой последний круг?
Смерть не знает, что такое – жалость.
Хрустнул, подломившись, мёрзлый сук.

-9-

Падал снег. В безмолвный, тихий вечер
Со двора ушёл мохнатый пёс.
Натянул старик тулуп на плечи
И пошёл в крепчающий мороз.
Долго звал, искал, да только где там –
Нету пса. Сгущалась только мгла.
Возвратясь домой, как был, одетым,

Сел на табуретку у стола.
– Что же ты, негодник, отвязался?
Что же ты из дому-то убёг?
Ты же у меня один остался.
Что ж я и тебя-то не сберёг?
А теперь уже пиши – пропало:
Фрицы с голодухи ведь забьют.
Чтоб им, окаянным, пусто стало –
Изведут собаку, изведут.
Что им пёс, ведь столько душ сгубили!
Как их только носит белый свет?
Женщины на свет их народили?
Люди ли они? Да видно – нет! –
Так старик шептал и всё качался
Каждому проклятью ровно в такт.
Голос старика на крик срывался,
Грохнул по столешнице кулак:
– Нелюди! – И тишина звенела,
Как неотвратимый приговор.
Сникло и обмякло сразу тело,
Налился слезой потухший взор.
Он рыдал беззвучно, только плечи
В такт тряслись рыданиям его...
Шёл по переулкам тихий вечер.
А навстречу – нету никого.

-10-

Вечером считали по баракам,
Чтобы не морозить на дворе.
Особист ругнулся:
– Честь собакам –
Проверяют прямо в конуре.
Капитан-блокадник думал молча:
«Дать бы тебе в зубы, сосунок!
Будто бы ты сам – порода волчья!
Клоп вонючий, маменькин сынок.
С пленными ты, паря, не робеешь –
Пленный ведь не выстрелит в ответ.
Ладно, к чёрту. Скажешь – пожалеешь.
Ведь с тобой не оберёшься бед».
Наконец, вошли в барак последний.
Капитан смекнул:

«Что-то не так.
Вот стоит дежурный бледный-бледный,
Пальцем теребя нагрудный знак».
Пленные по списку выкликались,
А потом... повисла тишина.
Нету одного. Не досчитались.
Остаётся карточка одна.
Особист взглянул на капитана,
Плечиком повёл и сплюнул:
– Та-а-ак!
Для чего ж нам в лагере охрана?
Вот ведь, капитан, какой бардак! –
А потом пришибленною псиной,
Взвизгнул, покраснев, как помидор, –
Доигрались с этою скотиной?!!
Всех на плац, сержант, гони на двор!

-11-

Пёс мохнатый, белый с рыжим ухом,
Замер на пригорке над рекой.
Снегом покрываясь, словно пухом,
Он скулил тихонечко с тоской.
Нравилось здесь Митьке и Егорке
По зиме кататься на коньках.
Летом на туманной тихой зорьке –
Посидеть с удою на мостках.
А потом, к обеду, искупнуться,
Сплавать на тот берег «взапуски»
И назад уставшими вернуться.
Как любили это пареньки
Митька и Егорка! Неразлучно
С ними был везде мохнатый пёс –
Белый с рыжим ухом. С ним не скучно...
Падал снег. Мороз кусал за нос.
Пёс побрёл обратною дорогой,
Встал на повороте, поскулил,
Обернулся вновь назад с тревогой
И завыл из всех собачьих сил,
Будто бы прощаясь с местом этим,
Где остались братья навсегда.
Больше он не будет с ними третьим,
Нет, не будет больше никогда.

-12-

В щёку смерть лизнула осторожно,
Будто примеряясь, как сожрать.
Засопела громко и тревожно.
– Жри, давай, ведь мне не убежать. –
Смерти он поднял лицо навстречу.
Смерть, порой, имеет странный вид:
Белая, как снежный этот вечер,
Рядом села, пристально глядит.
То ль жалея, то ли с укоризной,
То ли взять сама не может в толк,
Что ей делать с этой слабой жизнью.
Всплыло в голове:
«Да это – волк!
Странный, белый волк, но... с ухом рыжим,
Будто бы в насмешку».
– Жри, давай!
Волк сперва совсем сидел недвижим,
А потом... взорвал округу лай.
Вспомнилось из грубой этой речи,
Как везли на кладбище тела.
Был такой же тихий зимний вечер,
Лишь звенела, как колокола,
Сталь кирки, о землю ударяясь.
Завывала баба на санях,
Над губами милыми, склоняясь.
Бился пёс, оставленный в сенях.

-13-

В ночь переходил морозный вечер.
Замерзали пленные в строю.
Падал снег на согбенные плечи,
И конвой ворчал:
– Вот мать твою!
Третий час стоим. Какого ляда?
Может он замёрз где по пути?
А бежать? Да больно это надо –
Далеко по снегу не уйти.
Вона, погляди, опять шагает,
Ну – Наполеон, ни дать ни взять!
Поорёт, руками помахает
И бегом в каптёрку – добавлять.

Особист прохаживался важно,
Целясь взглядом в пленных немцев строй,
Думал, что теперь он всем покажет
И поймут теперь, кто он такой
Эти боевые офицеры.
Рапорт он в уме уже писал.
От червонца всем до высшей меры
Он своим судом уже раздал.
«Вот тебе и звёздочки старлея.
Хорошо бы орден. Не дадут, –
Думал особист, от спирта млея. –
Чёрт с ним, пусть хоть в штаб переведут».
С этой мыслью замерев, как кошка,
Нет, как тигр, как лев перед прыжком,
Губы пожевав ещё немножко
С белобрысым реденьким пушком,
Гаркнул он на пленных:
– Ну, фашисты,
Кто помог ему уйти в побег?...
Падал снег холодный и пушистый,
Белый, безразличный к людям снег.

-14-

В темноте лишь света блик дрожащий
Бросит на пол гаснущая печь.
Тишину взорвал вдруг лай звенящий –
К старику опять вернулась речь.
Он вскочил, забормотал несладно:
– Что ж ты!... Я тебе, – и отпер дверь. –
Ну и слава Богу. Ну и ладно.
Вот ведь непоседливый ты зверь.
Гладил он мозолистой рукою
Мокрую от снега шерсть его.
Пёс глядел с тревогой и тоскою,
Будто бы сказать хотел чего.
Только вот без слова, как расскажешь?
Взяв зубами, тянет за тулуп.
– Ну, пошли, – сказал старик, – покажешь.
Знать чего нашёл, ведь пёс не глуп.
Пёс носился с лаем по дороге,
Будто лаем деда подгонял.
– Не спеши ты так – устали ноги.

Пёс ворчал, но терпеливо ждал.
Улочкой, где церковь разбомбили,
Где последний двор сползал в овраг,
Вышли на пустырь, где склад спалили
В пору, когда шёл на город враг.
У стены разбитой куст приткнулся.
Замер пёс и тихо зарычал.
Под кустом сугроб вдруг шевельнулся
И невнятно что-то промычал.
Дед смекнул, что кто-то замерзает:
– Пьяный, что ль? А ну-к, давай, вставай.
Бес тебя потёмками таскает!
Только пёс сорвался тут на лай.
Скалит зубы, будто бы взбесился,
Метит незнакомца искушать.
Дед над незнакомцем наклонился
И...отпрянул. Что ещё сказать?
– Немчура, фашистское отродье!
Немчик поднял помутневший взгляд.
Всё плыло в глазах, как в половодье.
Таял мир и тёк ручьём назад
В прошлое, вливаясь в воды Шпрее.
Вильгельмштрассе, милый старый дом.
Как прекрасна смерть. Скорей, скорее,
Чтобы никаких уже «потом».
Всё плывёт, в прекрасной дымке тает.
Чья-то тень...
– Ах, мама, это ты?
Обернулась тень, а взгляд пылает
И несётся вслед из пустоты:
«Люди эти немцы, аль не люди?»
Вот и он – последний жизни миг:
Всё, как должно быть. Пусть так и будет.
Прохрипел:
– Убей меня, старик! –
И к стене приткнулся, улыбаясь,
Будто бы, намаявшись, уснул.
Дунул ветерок, как бы прощаясь,
И с его плеча снежинки сдул.
Пёс умолк, и дед шепнул, потупясь:
– Лучше б то и вовсе не видать, –
Жалко стало немца. Вот ведь глупость, –

Немчура. Чего ещё сказать?
Эх ты, погляди, – совсем ещё салага.
Доброй волей шёл ты воевать?
Что ли жив ещё? Эй, доходяга!
Дышит вроде. Ну-к, давай вставать.

-15-

Тихо в кабинете у начлага.
У окошка курит капитан
Да шуршит казённая бумага.
Нацедил майор воды стакан
И, отбросив папку, выпил жадно,
А потом вздохнул:
– Молчишь чего?
Особист поди уж пишет раппорт,
Сам ведь понимаешь на кого.
Сам ведь понимаешь, что случилось,
Мыслишь сам ты как – побег иль нет?
Ну, чего молчишь, скажи на милость?
Капитан пожал плечом в ответ:
– Может и побег. Хотя и глупо:
Далеко по снегу не уйти.
Если так, то выслана ведь группа –
Перехватят где-то на пути.
Если ж он замёрз где, бедолага,
То снежком присыплет до весны,
И ищи-свищи, а в штаб – бумага.
Тут уже последствия ясны.
– Да уж, развесёлая картина.
Что же, снег нам на руку и тут:
Не дойдёт из штаба к нам машина,
Ведь пешком они же не пойдут?
А пока туда-сюда, быть может,
Всё и обойдётся здесь у нас,
Только этот «клоп» меня тревожит –
Всюду тычет нос и пялит глаз.
«Клоп» прилип к двери и слушал в щёлку,
Искривив в ухмылке злобный рот:
«Поищите вы в стогу иголку.
Ничего отряд ваш не найдёт!»
Капитан – майору:
– Разрешите

Пленных по баракам распустить.
Что морозить зря?
– Ой, не спешите,
Нравится вам милосердным быть? –
Донеслось противно от порога
(особист стоял уже в дверях), –
Что-то, капитан, уж больно много
Стало милосердных в лагерях.
Может вы и о побеге знали, –
Особист прошёл бочком вперёд, –
Да из милосердья промолчали?
– Хватит, лейтенант, заткните рот!
Что вы о себе тут возомнили? –
Резко встал из-за стола майор, –
Вы субординацию забыли.
Особист, струхнув, потупил взор,
Прикоснулся, словно школьник, к уху,
Помолчал, разглядывая пол,
А потом сказал, набравшись духу,
Обходя подальше, всё же, стол:
– До субординаций есть вам дело.
Ну, а то, что в лагере – побег?...
У майора шея багровела,
Думал:
«Что за гнусный человек?
Раздавить сейчас бы эту мерзость».
Вслух сказал:
– Побег – ещё не факт.
Мы пока оставим вашу дерзость
И определимся с вами так:
О побеге речи нет пока что,
Пусть сперва прочешут всё вокруг.
Поиски как раз-то и покажут,
Правы вы иль нет. Раздался стук.
Прокричал майор:
– Да, да, входите!
Замер на пороге рядовой,
Козырнул майору:
– Разрешите?
Там старик. Не знаю кто такой,
Только он нашёл пропажу нашу,
То есть, это... фрица приволок,

Притащил на санках, как поклажу.

– Что с ним? Жив?

– Живо-о-ой. Слегка продрог.

-16-

А на КПП «слегка продрогший»,
От тепла придя в себя, стонал
В лужице, с шинелишки натёкшей.

В уголке, у печки, дед стоял,

Говорил солдату, руки грея,

Как бы в оправданье:

– Вишь, милоч,

Можно ведь оно и не жалея,

Только я, чего-то вот, не смог.

Люди ли они, но мы ж – не звери!

Вот такую я имею мысль.

Сапогом распахивая двери,

Залетел, как вихрь, особист:

– Ты чего, дедуля, здесь распелся?

И тебе фашистов тоже жаль?

И солдату:

– Ты чего расселся?

Ну-ка, быстро в карцер эту шваль!

Тут майор и капитан поспели:

– Тпр-р-ру! Отставить карцер, рядовой, –

Поправляя воротник шинели,

Приказал майор. – Ну что? Живой?

Ну-ка, на медчасть его давайте.

Пусть его спиртягой разотрут.

Капитан, дежурство принимайте –

Спать хочу, ну прямо страшный суд.

Завтра будем с этим разбираться.

Говорят ведь: «Утро мудреней»,

А пока что нужно отсыпаться.

Особист замялся у дверей,

Но потом, махнув рукой с досады,

Зашагал к себе, пиная снег.

Дед остановился у ограды.

– Ну, спасибо, добрый человек, –

Молвил капитан, – не представляю,

Как бы всё сложилось здесь у нас,

Но, наверняка, одно лишь знаю:

Выручил ты нас. Да, что там – спас!
Дед, моргнув, ответил:
– Ну, да-к что же,
Прав ты видно был, что надо жить.
Чай, не звери мы, чай, люди тоже.
Ладно... Это... Надо мне идтить.
А спасибо вон скажите Тишке –
Это он вам немчика сыскал.
Если бы не он, не жить мальчишке, –
Так сказал старик и зашагал
Восвояси. Пёс бежал с ним рядом.
Капитан глядел обоим вслед,
Не мигая, долгим-долгим взглядом,
Думая: «Мы все, как этот дед:
Вряд ли кто-то что-нибудь забудет,
Нет в нас столько силы, чтоб забыть.
Люди эти немцы иль не люди,
Нам самим ведь надо как-то жить.
Только как-то всё-таки негоже –
Состраданьем человек живёт.
Ведь не звери мы, ведь люди тоже,
А они?... Да кто их разберёт?
Суть не в них. Суть в нас, во всех и в каждом:
Сможем ли людьми мы сами быть,
Если в человечности откажем
Тем, кого сумели победить?»

Эпилог

*Как сложились дальше судьбы эти,
Я не знаю. Знаю лишь одно:
Состраданье есть на белом свете,
Пусть оно не каждому дано.
Может статья, где-нибудь в Берлине,
Как тогда, пушистый лёгкий снег
Падает в вечерней синей стыни
И глядит в окошко человек
С белыми, как снег тот, волосами.
Вновь нарушен старческий покой
Памятными сердцу голосами.
Гладит он морщинистой рукой
Дорогой подарок – рукавички.
«На вот, надевай!», - а рядом дед,*

*И собака с ним, - не вспомнить клички.
«Люди эти немцы, али нет?»...
И ещё одно: «Чай, мы не звери...
Что ли, жив ещё?... Давай, вставай!»...
Знаю я, что человек тот верит
Нет, не в то, что есть на свете рай,
Верит в то, что есть на свете жалость,
Состраданьем человек живёт.
Вроде бы: такая это малость,
Ерунда, но есть один народ
Этим малым сильный и великий
До того, что может всё простить.
Время пусть меняет маски, лики,
Но его лица не изменить.
Это лик обычной русской бабы,
Деда, потерявшего семью...
Русь – кому-то глупость да ухабы,
Я ж по ним Россию узнаю.*

ВОЙНА СТУЧАЛАСЬ В КАЖДЫЙ ДОМ

Стихи и проза новошахтинских авторов о Великой Отечественной войне

Литературный редактор *Т. И. Гричененко*

Компьютерная верстка *А. В. Даниленко*

Подписано в печать 3.06.2010 г. Формат 60х84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0

Тираж 50 экз. Заказ № 1131.

Типография Южного федерального университета
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 247-80-51.